

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ
Кафедра культурологии

МОНЧАК
Александра Викторовна

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ БЕЛОРУССКОЙ ШЛЯХТЫ XVII В.

Дипломная работа

студентки 4 курса специальности «Культурология (прикладная)»

Научный руководитель:
кандидат культурологии,
доцент
Усовская Элина Аркадьевна

Рецензент:
кандидат культурологии,
доцент
Криштаносова Елена
Александровна

Допущена к защите

_____ 2021 г. _____

Заведующий кафедрой культурологии,
Шода Марина Юльяновна

Минск, 2021

РЕФЕРАТ

Мончак Александра Викторовна

Культура повседневности белорусской шляхты XVII в.

Дипломная работа: 64 с., 47 источников.

Ключевые слова: культура повседневности, шляхта, магнаты, сарматизм, барокко, воинская культура, рыцарская подготовка, шляхетский быт, праздничная культуры шляхты.

Цель исследования – определить сущность и формы культуры повседневности белорусской шляхты XVII в.

Объект исследования – культура повседневности.

Предмет исследования – культура повседневности белорусской шляхты XVII в.

Методология и методы исследования:

- системный метод исследования заключался в рассмотрении шляхетской культуры XVII в. как целостности;
- историко-генетический метод был нацелен на изучение генезиса правового положения шляхты;
- аксиологический и структурно-функциональный методы – на выявление ценностей и потребностей, лежащих в основе культуры повседневности шляхетского сословия;
- сравнительный метод применялся для выявления сходных черт и различий между западноевропейскими портретами и белорусским сарматским портретом XVII в.

Результаты исследования:

1. На современном этапе развития изучению повседневности присущ интегративный характер, подразумевающий изучение повседневности с помощью методов и понятий более чем одной дисциплины, рассмотрению ее и в динамике, и в статике.

2. Уникальным явлением в среде привелегированного сословия выступал сарматизм, представляющий собой сочетание философии, мировоззрения с материальной бытовой культурой и барочными веяниями. Одним из материальных проявлений сарматизма выступал сарматский портрет.

3. Важное место в рамках сарматской идеологии шляхетства Беларуси XVII в. отводится ее воинскому элементу. Феномен «воинской культуры» достаточно сложен, многогранен и представляет собой синтез средневековых элементов с традициями Нового времени.

4. Образ жизни шляхетского сословия был обусловлен ее привелегированным положением в обществе, «золотыми шляхетскими вольностями». Этика и эстетика барокко, сарматизм, включенность шляхетского сословия в общий культурный европейский контекст создали яркий образ повседневности, наполненный балами, охотой, увлеченностью искусством; сформировали особый тип моды и культуры питания.

РЭФЕРАТ

Манчак Аляксандра Віктараўна

Культура штодзеннасці беларускай шляхты XVII ст.

Дыпломная праца: 64 с., 47 крыніц.

Ключавыя словы: культура штодзеннасці, шляхта, магнаты, сарматызм, барока, воінская культура, рыцарская падрыхтоўка, шляхецкі быт, святочная культура шляхты.

Цэль даследавання – вызначыць сутнасць і формы культуры штодзеннасці беларускай шляхты XVII ст.

Аб'ект даследавання – культура штодзеннасці.

Прадмет даследавання – культура штодзеннасці беларускай шляхты XVII ст.

Метадалогія і метады даследавання:

- сістэмны метады даследавання заключаўся ў разглядзе шляхетскай культуры XVII ст. як цэласнасці;
- гісторыка-генетычны метады быў накіраваны на вывучэнне генезісу прававога становішча шляхты;
- аксіалагічны і структурна-функцыянальны метады – на выяўленне каштоўнасцяў і патрэбаў, якія ляжаць у аснове культуры штодзеннасці шляхецкага саслоўя;
- параўнальны метады ўжываўся для выяўлення падобных рыс і адрозненняў паміж заходнееўрапейскімі партрэтамі і беларускім сармацкім партрэтам XVII ст.

Вынікі даследаванняў:

1. На сучасным этапе развіцця вывучэння штодзеннасці ўласцівы інтэгратыўны характар, які прадугледжвае вывучэнне штодзеннасці з дапамогай метадаў і паняццяў больш чым адной дысцыпліны, разгляду яе і ў дынаміцы, і ў стацыі.

2. Унікальнай з'явай у асяроддзі прывілеяванага саслоўя выступаў сарматызм, які ўяўляў сабой спалучэнне філасофіі, светапогляду з матэрыяльнай бытавой культурай і барочнымі павевамі. Адным з матэрыяльных праяў сарматызма выступаў сармацкі партрэт.

3. Важнае месца ў рамках сармацкай ідэалогіі шляхецтва Беларусі XVII ст. адводзіцца яе воінскаму элементу. Феномен «воінскай культуры» досыць складаны, шматгранны і ўяўляе сабой сінтэз сярэднявечных элементаў з традыцыямі Новага часу.

4. Лад жыцця шляхецкага саслоўя быў абумоўлены яе прывілеяваным становішчам у грамадстве, «залатымі шляхецкімі вольнасцямі». Этыка і эстэтыка барока, сарматызм, уключанасць шляхецкага саслоўя ў агульны культурны еўрапейскі кантэкст стварылі яркі вобраз штодзеннасці, напоўнены балямі, паляваннем, захопленасцю мастацтвам; сфармавалі асаблівы тып моды і культуры харчавання.

ABSTRACT

Monchak Alexandra Viktorovna

The culture of everyday life of the Belarusian gentry of the 17th century

Thesis: 64 p., 47 source

Key words: culture of everyday life, gentry, magnates, Sarmatism, Baroque, military culture, knightly training, gentry life, festive culture of the gentry.

Aim of these – to determine the essence and forms of culture of everyday life of the Belarusian gentry of the XVII century.

Object of research – the culture of everyday life.

Subject of the research – the culture of everyday life of the Belarusian gentry of the 17th century.

Methodology and methods of research:

- the systematic method of research was to consider the Szlachet culture of the XVII century as a whole;
- the historical-genetic method was aimed at studying the genesis of the legal status of the szlachta;
- axiological and structural-functional methods-to identify the values and needs that underlie the culture of everyday life of the gentry class;
- the comparative method was used to identify similarities and differences between Western European portraits and the Belarusian Sarmatian portrait of the XVII century.

Results of the research:

1. At the present stage of development, the study of everyday life is characterized by an integrative nature, which implies the study of everyday life using the methods and concepts of more than one discipline, considering it both in dynamics and in statics.

2. A unique phenomenon among the privileged class was sarmatism, which is a combination of philosophy, worldview with material everyday culture and Baroque trends. One of the material manifestations of Sarmatism was the Sarmatian portrait.

3. An important place in the Sarmatian ideology of the nobility of Belarus of the XVII century is given to its military element. The phenomenon of «military culture» is quite complex, multi-faceted and represents a synthesis of medieval elements with the traditions of Modern times.

4. The way of life of the gentry class was due to its privileged position in society, «golden gentry liberties». The ethics and aesthetics of the Baroque, Sarmatism, the inclusion of the gentry in the general cultural European context created a vivid image of everyday life, filled with balls, hunting, passion for art; formed a special type of fashion and food culture.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА I. КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	11
ГЛАВА II. САРМАТИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЯ И СТИЛЬ ЖИЗНИ ШЛЯХЕТСКОГО СОСЛОВИЯ XVII В.	16
2.1 Понятие шляхты в юридических источниках.....	16
2.2 Идеология сарматизма и ее репрезентация в культуре.....	25
ГЛАВА III. ФЕНОМЕН ВОИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ САРМАТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ XVII В.	34
3.1 Особенности воинской культуры шляхетского сословия Беларуси XVII в.....	34
3.2 Военная подготовка шляхтича в Беларуси XVII в.....	39
ГЛАВА IV. ОБРАЗ ЖИЗНИ ШЛЯХЕТСКОГО СОСЛОВИЯ	43
3.1 Быт шляхты.....	43
3.2 Праздничная культура шляхты.....	52
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	56
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	61

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Каждая культура подобна живому организму, наделенному душой. Она порождает свои ценностные ориентиры и социальные установки, определенные формы индивидуальной и коллективной жизни человека, стиль мышления, картину мира и ритмы происходящих трансформаций. Они словно скульпторы, неустанно работающие над своими характерными персонажами и темами.

Но мы, люди, не просто продукт культур, их взаимодействия. Одновременно мы и движущая сила, способная изменить происходящие культурные процессы благодаря своей способности «к проявлению и реализации творческого импульса и энергии» [40, с. 26].

Однако осуществить перемены в жизни, чтобы они стали верным спутником общества и человечества в целом, достаточно сложно, если не учитывать опыта прошлого.

Поэтому изучать события прошлого – политические волнения, трансформации в экономической или же культурно-духовной жизни – необходимо не для того, чтобы просто понять, что и как происходило, а для того, чтобы «ожившее прошлое объяснило нам, кто мы есть, и открыло бы путь в достойное будущее» [44].

Особый интерес для исследователей представляет культура Беларуси XVII в., которая в этот период оставалась частью Великого княжества Литовского, составляющего федерацию с Королевством Польским – Речью Посполитой.

XVII в. – век сложный, противоречивый, но в то же время век величайший, насыщенный немалым количеством поистине важных событий, оказавших огромное влияние на дальнейший ход истории. Чтобы их правильно понимать, необходимо определить, что являлось основой взглядов и идей общества того времени.

Особая роль в истории Беларуси, в частности, культурно-исторической эпохе XVII в., отводится шляхетской культуре. Магнатория и собственно шляхта представляли слой общества, культура которых во многом создавала облик, портрет всей белорусской культуры этого времени.

Потребность в изучении шляхетской культуры растет. Это происходит не только оттого, что есть какие-то пробелы в изучении данного исследовательского вопроса, но и потому, что темы, касающиеся шляхты и ее культуры, дают возможность увидеть многогранность белорусской культуры в целом. Польза и необходимость в изучении культуры повседневности рассматриваемого сословия заключаются и в том, что она способна раскрыть

многогранность культуры XVII в., представленность той культурной грани, которая позволяет видеть образ жизни и мышления людей, характер трансформации культурных паттернов, соотношение традиционного и инновационного в культуре. Культура повседневности шляхты XVII в. становится своего рода маркером процессов культурного обмирщения.

Повседневность играет колоссальную роль в функционировании культуры как целого общества, так и конкретного региона, а культура повседневности во многом влияет на формирование уникальности отдельной территории и национального самосознания.

Изучая культуру повседневности, стоит отметить, что на каждом этапе исторического пути развития человечества отдельные ее элементы постепенно претерпевали изменения: некоторые социальные практики уходили в забвение, некоторые трансформировались и оставались актуальными.

Уникальным явлением, занимавшим важное место в культуре белорусских земель, да и в целом в Речи Посполитой, выступал сарматизм, идеология которого претерпевала в это время изменения. Важное место в рамках этого феномена отводится воинскому компоненту. Нормы, правила поведения, ценности шляхтича-воина сыграли важную роль в построении мировоззренческой картины.

Кроме того, XVII в. – это век доминирования такого направления, как барокко, соединившего в себе мировоззренческие, интеллектуальные и иные реалии и противоречия того времени. В результате взаимовлияний барочных тенденций и сарматской идеологии образовалась поистине уникальная, отличная от других, культура, породившая немалое количество великолепных памятников, выступающих материальным воплощением бытовавшего мировоззрения.

Великое княжество Литовское было подобно огромному многонациональному котлу, состоящему из разных этносов, что, безусловно, не могло не отразиться на жизни белорусского общества от самых его низов до верхушки. Контакты разных сословий, взаимодействие с представителями других культур сказались и на национальной кухне, и на моде, и на обустройстве жилища, и на празднествах и мн. др.

Исходя из вышесказанного, была поставлена *цель исследования* – определить сущность и формы культуры повседневности белорусской шляхты XVII в.

Для достижения цели решались следующие *задачи исследования*:

1) определить сущность концепта культуры повседневности в культурных исследованиях;

2) выявить основы и черты сарматизма как идеологии и стиля жизни шляхетского общества XVII в.;

3) раскрыть особенности феномена «воинской культуры» в сарматской идеологии XVII в.;

4) выявить отличительные черты образа жизни шляхетского сословия.

Объект исследования: культура повседневности.

Предмет исследования: культура повседневности белорусской шляхты XVII в.

Методология и методы проведенного исследования. Основу исследования составили Школа социальной истории (Школа «Анналов»), системный и аксиологический подходы. Системный подход заключался в рассмотрении шляхетской культуры XVII в. как целостности с учетом связей между отдельно взятыми ее элементами – идеологией, образом жизни, а также во взаимосвязи с культурно-исторической, эпистемологической ситуацией исследуемого периода. Аксиологический подход, с одной стороны, был направлен на выявление ценностно-мировоззренческого комплекса сарматизма как идеологии шляхетской культуры, с другой – позволил исследовать культуру повседневности шляхты как ценностное явление в культуре Беларуси XVII в.

В качестве общенаучных методов нашли применение историко-генетический метод, а также методы структурно-функционального и компаративного анализа. Историко-генетический метод исследования был нацелен на изучение генезиса правового положения шляхты, материально-духовных основ сарматизма, форм культуры повседневности. Структурно-функциональный метод позволили определить содержание форм культуры повседневности. Сравнительный метод применялся для выявления сходных черт и различий между западноевропейскими портретами и портретами Великого княжества Литовского, Беларуси.

Большое значение для достижения поставленной цели и решения задач имели историко-юридические источники, в частности, Статут Великого княжества Литовского.

Степень изученности проблемы исследования. Существует значительный массив исследований, дающих представление о теоретических аспектах культуры повседневности. Так, например, российский кандидат культурологии М. В. Капкан рассматривала вопросы, касающиеся теории и методологии изучения культуры повседневности. Тело и телесность, вещь, еда, эмоциональная сфера, а также актуальные способы их изучения лежат в поле внимания ученого.

Советский и российский философ, доктор философских наук Б. В. Марков в своей работе «Культура повседневности» рассказывает о сущности, структуре и процессе ее развития. По его мнению, эволюция совокупности социальных практик людей демонстрируется через взаимовлияние сознания и мира вещей, а именно как мир вещей трансформирует сознание. Главный вывод, к которому приходит автор заключается в том, что цивилизация делала огромный скачок вперед тогда, когда «удавалось совместить земное и небесное, телесное и духовное, моральное и правовое, экономическое и этическое в устройстве повседневных пространств жизни» [22].

Изучением сарматской культуры занимался целый ряд ученых. Например, М. В. Лескинен, российская исследовательница, доктор исторических наук в своей работе «Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой» анализирует и реконструирует компоненты и структуры сарматской идеологии, которая повлияла на формирование самосознания народов, образующих Речь Посполитую. Более детально феномен сарматизма рассмотрен ученым в книге «Сарматская культура белорусской шляхты в XVI– XVIII вв.», благодаря которой читатели могут узнать, каково было воздействие сарматизма на те или иные стороны жизни общества, каковы его положительные и отрицательные стороны; каково духовное состояние как отдельного человека, так и общества в целом. Кроме того, в книге осуществляется анализ не только господствующей в то время идеологии, но и общественно-политическая жизнь в целом.

Белорусский исследователь, кандидат исторических наук И. Г. Углик в работе «Игровой компонент в культуре шляхты белорусских земель XVII – XVIII вв.» отводит важную роль игровому компоненту в тех или иных сферах жизни шляхетского сословия и отмечает его связь с барочными тенденциями.

Немаловажную роль в изучении шляхетской культуры сыграл Г. Галенченко, труд которого носит название «Шляхетская демократия в ВКЛ». Автор приходит к выводу, что «Шляхетская демократия ВКЛ (при всех пороках и недостатках) позволила избежать крайних форм бесправия и террора, приобщила к гражданской и политической деятельности всю шляхту, а частично и другие слои населения, осознала необходимость учитывать мнение меньшинства, дала ощутить вкус свободы и человеческого достоинства» [5].

Замечательный проект был разработан Ю. Лычковским, которого по праву можно считать специалистом в области генеалогии. Благодаря этой разработке исследователи смогли прикоснуться к истории Великого

княжества Литовского, в частности узнать о происхождении шляхты, ее исторической роли, традициях воспитания и многие другие вопросы.

Российская исследовательница Л. А. Молчанова в труде «Очерки материальной культуры белорусов XVI–XVIII вв.» проанализировала историю материальную культуру нашего народа, выявила ее отличительные черты. В исследовании проанализированы такие стороны жизни человека, как земледелие и земледельческая техника, поселения, головные уборы и обувь, пища и предметы домашнего обихода. Кроме того, автор уделила внимание межкультурным контактам с соседями-народами славянского и неславянского происхождения.

Исследовательница-историк Н. Слиж занимается изучением белорусского семейного права. Свои исследования она изложила в работе «Брачные и внебрачные отношения шляхты Великого княжества Литовского XVI–XVIII вв.»

Советский историк, доктор исторических наук Н. Н. Улащик издал статью «Одежда белорусов XVI–XVIII вв.»

Количество трудов, посвященных рассмотрению культуры повседневности на примере конкретных культурно-исторических эпох, в частности XVII в., ее репрезентации в культуре белорусской шляхты данного периода, невелико. Поэтому возникает необходимость в изучении данной проблемы и систематизации полученных сведений.

ГЛАВА I. КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Многие утверждают, что повседневность – это «дом-работа-дом» и так каждый день, каждый месяц, каждый год...словом, одна рутина. Конечно, данная позиция имеет право на существование. Однако «повседневность» вовсе не означает рабское следование заведенному шаблону. Она выступает достаточно неоднозначным феноменом со сложной внутренней организацией и подвижными границами.

Важным критерием при исследовании культуры повседневности является отношение к прошлому. Рассматривая то или иное явление, необходимо ответить на вопросы почему, куда, где и когда оно произошло, т.е. установить, каково смысловое наполнение произошедшего.

Во второй половине XIX в. к феномену повседневной жизни начинают проявлять интерес прежде всего историки. Работы в данной области представляли собой не что иное, как «бытоописание» [13, с. 18]. Безусловно, это является важным шагом в развитии науки. Однако стоит отметить, что все же специфика повседневности не стала проблемой научного анализа.

Первым, кто изменил проблематику исследования и обратился к систематическому изучению повседневной жизни, стала «Школа Анналов», представляющая собой научное направление, сформировавшееся во Франции и группировавшееся вокруг одноименного журнала «Анналы». В ее развитии принято выделять несколько этапов, однако можно обозначить ряд общих для них идей. Во-первых, стоит отметить интегративный характер научного познания, или междисциплинарность, т. е. рассмотрение объекта или явления с помощью методов и понятий более чем одной дисциплины; во-вторых, непростое описание рассматриваемого события, а стремление раскрыть его сущность, объяснить его существование. Не менее важной чертой стало рассмотрение человека как носителя множества социальных ролей.

Особое значение имеют работы Фернана Броделя, который ввел такое понятие, как «структуры повседневности» [28, с. 51]. Под ними французский мыслитель подразумевал природно-климатические условия, производственную деятельность, нужды людей, а также возможности их удовлетворения.

Не менее значительный вклад в изучение истории повседневности внесла Германия. В поле зрения немецких исследователей находятся трудовые и бытовые практики, а также специфика восприятия происходящих

событий обычным человеком. На авансцену выходит мышление, поведение и переживания отдельного индивида.

К тому же для истории повседневности значительным являлся вопрос представительности и достоверности полученной информации, источниковедческой базы. Нет сомнения в том, что личностное мироощущение или восприятие тех или иных событий имеет огромную полезность. Между тем, исторические документы, фактологическая беседа и иные формы выражения, которые использует история повседневности, дают возможность воспринять только часть сложноконструктивной композиции целой эпохи во всей совокупности.

Австрийский социолог и философ, основоположник феноменологической социологии Альфред Шулц утверждал, что повседневность есть и религия, и игра, и наука, и выделял следующие ее черты:

1) интенсивная трудовая деятельность, направленная на трансформацию окружающего мира. В данном случае речь идет о решении вопросов, требующих приложения физических усилий, конечной целью, которых является достижение максимального комфорта. Повседневность не предполагает глубокого критического самоанализа. Однако это вовсе не означает, что она не обладает интеллектуальным началом. Важным является поиск решения, которое по тем или иным признакам предпочтительнее при выборе способа существования в тех или иных условиях;

2) безыскусственность установки. Мир, в котором живет человек, существует именно таким, каким он его представляет. Данный тезис небезоснователен, поскольку повседневность мы разделяем с другими людьми, которые одинаково поступают в тех или иных ситуациях и мыслят;

3) напряженное отношение к жизни. Жизнь человека во многом зависит от изменений, происходящих в природной среде, а также от окружающих нас людей. Эти изменения создают множество различных ситуаций, требующих от человека незамедлительного принятия решений. Это предполагает непрерывное напряжение сознания и полное погружение в происходящее событие;

4) особое отношение ко времени. Повседневность мыслится как движущаяся по замкнутому кругу. Сегодня мы переживает, то что было вчера, что нередко вызывает чувство тоски и утомление, однако является обычным для человека. Поэтому можно сказать, что один день, прожитый человеком, представляет собой уменьшенную модель целой жизни;

5) личностная определенность человека. В повседневности, примеряемые человеком социальные роли, сплетаются воедино, и именно здесь он предстает как целостная личность;

6) типизированный мир. При знакомстве с новым человеком, люди пытаются установить соотношение между ним и другим известным им образом и взаимодействовать с ним согласно определенному алгоритму. Такие типажи не формируются отдельным человеком, а возникают из памяти социума. Истоком типизаций выступает язык, прежде всего, как важнейший инструмент общения, орудие создания и выражения мыслей. Также Шульц утверждает, что человек оказавшись на месте другого человека будет воспринимать происходящее не по-другому, а также [13, с. 9–11].

Стоит отметить, что выделенные Шульцем черты повседневности не однократно подвергались критике со стороны других исследователей. Под сомнение ставился вопрос об универсальности выделенных ученым положений.

Давая характеристику повседневной жизни, мы не можем сказать, что ее можно описать как нечто неизменное, что подтверждается сравнением различных культурно-исторических эпох. Более того, даже небольшие периоды в жизни человека обнаруживают в себе некие трансформации. Немецкий философ Бернхард Вальденфельс утверждал, что повседневность рождается в результате двух процессов, а именно оповседневнивание и расповседневнивание [13, с. 12]. Периодически совершаемые действия постепенно становятся обычным явлением, а некоторые напротив таковыми быть перестают.

То, что повседневность динамична, подтверждается наличием элементов творческой активности. Конечно, к масштабным открытиям это не приведет, однако позволит освоиться в тех или иных условиях. Так, например, человек переехав в новую квартиру будет обустраивать ее в соответствии со своими вкусами, потребностями, чтобы не испытывать чувства дискомфорта.

Нередко термин «повседневность» отождествляют с понятием «быт», хотя все же между ними можно выделить некоторые различия. Во-первых, быт обладает большей устойчивостью, нежели повседневность. Во-вторых, повседневная жизнь более близка к частной жизни (ограничена пространством дома).

Колоссальная роль в области исследования повседневности принадлежит социологам. Так, авторы теории социального конструирования повседневности Питер Бергер и Томас Лукман утверждали, что:

«1) человек конструирует, интерпретирует реальность (связывает себя с этой конструкцией);

2) человек не способен переоценить предлагаемые обществом ценности;

3) наши представления о мире имеют два уровня: первый уровень представляет собой наши повседневные знания, т.е. то, что мы называем «здоровым смыслом»; второй уровень предполагает ответы на экзистенциальные вопросы» [13, с. 20–22].

Особый вклад в изучение повседневности внесли социологи под руководством Гарольда Гарфинкеля (60-е гг. XX в.), именовавшие себя этнометодологами.

Этнометодология представляет собой направление социологии, которая занимается изучением обыденных норм, правил поведения, смыслов языка, не выходя за пределы повседневного социального взаимодействия. Гарфинкель утверждал, что социальная реальность конструируется речью, в прочем, данное положение также присуще и концепции социального конструктивизма. Однако этнометодология заостряет свое внимание на особенности повседневной коммуникации и повседневной культуры, пытаясь установить ее «грамматику».

Одним из главных понятий в рассматриваемом направлении являются «фоновые ожидания», которые позволяют человеку узнавать произошедшее событие и воспринимать его как нечто раньше встречаемое [4].

Для обнаружения фоновых ожиданий Гарфинкелем был проведен ряд исследований. Так, по просьбе ученого студентам, согласившихся принять участие в эксперименте, необходимо было не благодарить родителей за приготовленный обед, а рассчитаться с ними деньгами; при взаимодействии со своими друзьями их также попросили давать им некоторую сумму за проявление благожелательности, хорошие манеры. Гарфинкеля интересовало действия людей, которые, оказавшись в непривычной для них ситуации, выявляли не рефлекслируемые мотивы, правила поведения, установки.

Таким образом, социология пытается обозначить пределы повседневности и ее правила, в соответствии с которыми осуществляется ее построение.

Переломным периодом по праву можно считать 1964 г. В это время в Бирмингемском университете был открыт Центр современных культурных исследований, работа которого концентрировалась вокруг новой интерпретации культуры, под которой стали понимать способ жизни конкретного сообщества [13, с. 23]. Нет сомнений в том, что данный подход

к определению культуры во многом увеличил круг исследуемых объектов, а также расширил область применения методов.

Прежде всего исследователей интересовала связь между такими понятиями, как «культура» и «власть», а именно каким образом властные структуры используют культуру как инструмент для реализации своих личных целей и каким образом она превращается в средство противодействия властным стратегиям [13, с. 23]

Особенностью культурных исследований выступает то, что происходит сочетание двух уровней: макро- (исследователей интересует совокупность взглядов, выражающая интересы различных классов и групп, а также властные стратегии) и микро- (жизнь конкретного человека).

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что исследования культуры повседневности первоначально представляли собой подробную характеристику быта. Однако со временем от простого описательства исследователи перешли к выявлению причинно-следственных связей между различными областями культуры. На современном этапе исследования повседневной жизни носят, как было указано нами ранее, междисциплинарный характер, а немалое количество методов и приемов позволяют изучать ее с разных ракурсов.

ГЛАВА II. САРМАТИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЯ И СТИЛЬ ЖИЗНИ ШЛЯХЕТСКОГО СОСЛОВИЯ XVII В.

2.1 Понятие шляхты в юридических источниках

Термин «шляхта» происходит от слова «schlagen», что в переводе с немецкого означает «бить», а немецкое слово «Schlacht» значит «битва» [7]. Буквально «шляхта» может переводиться как «люди боя, вояки, воины» [7]. Данная версия происхождения слова не является единственной. Согласно иной точки зрения, слово «шляхта» пришло к нам через польский язык от древневерхненемецкого «slahte», которое переводится как «род, происхождение, порода» [7]. Термин «шляхта» за всем феодальным сословием закрепился во второй четверти XVI в.

Белорусская шляхта имеет величайшую многовековую историю. Она обладала широкими правами (Это так называемые шляхетские вольности, которые стали распространяться на территории Беларуси в XVII в. Полное уравнивание в правах великокняжеской шляхты с польской произошло в 1697 г., когда было принято постановление «Уравнение прав») и занимала господствующие позиции в политической, социально-экономической, а также культурно-духовной жизни Великого княжества Литовского, а затем в Речи Посполитой. Однако стоит отметить, что данное сословие характеризуется гетерогенностью.

Высокие ступени занимала высшая знать, к которой относились потомки восточнославянских и литовских владельцев удельных княжеств и старших дружинников, богатые владельцы вотчины, а также богатые представители церковной иерархии. Данная категория шляхты приблизительно с середины XV в. именовалась «панями». Среди них также можно выделить: «панов радных» (знать, занимающая должности при дворе и участвующая на заседаниях Рады); «панов хоруговых» (крупные земельные собственники, принимающие участие в военных действиях во главе собственных отрядов со своими знаменами); «панята» (землевладельцы, участвующие в военных действиях в составе особого отряда) [18].

Чаще всего паны-радные и паны-хоруговые являлись членами одних и тех же семей. Позднее, начиная со второй половине XVI в. и на протяжении всего XVII в. данные социальные слои стали называться «магнатами».

Слово магнат происходит от немецкого «Magnat», далее от позднелатинского «magnas (мн. ч. – magnates) или magnatus», что в переводе означает «глава, вождь; богатый, знатный человек» [21]. Как было сказано

ранее, этот слой населения состоял из высокопоставленных лиц (приближенных к великому князю).

Магнатские роды представляли собой «династическую элиту», особый центр силы в сфере политики, социального взаимодействия и хозяйственной жизни. Магнаты, как было упомянуто, занимали высшие государственные должности, располагали большими наделами, в их подчинении находились немалые по количеству воинские отряды. А по диапазону влияния рассматриваемой категории населения можно только позавидовать.

Реальной силой в государстве обладали такие крупнейшие магнатские роды как Радзивиллы, во владении которых находились большие территории, в том числе целые города. Не менее влиятельным в XVII–XVIII вв. был род Сапег. Они, как и Радзивиллы, получили княжеский титул в Риме. Однако, стоит отметить, что представители шляхетства таких почетных званий не признавали, поскольку считали всех равными. Особую известность в конце XVII–XVIII вв. приобрел род Огинских, занимающий пост командующего армией.

Юридически магнатерия имела те же права, что и все шляхетское сословие. Представители магнатских и шляхетских родов имели право выступить против князя, т.е. имели право на «рокошь». Более того, и богатая (магнаты) и дробная шляхта владела правом «либерум вето»: если с решением, принятым на сейме, не был согласен хотя бы один депутат, решение не принималось.

Ниже на ступени социальной лестницы находились «бояре-шляхта», которые позже со второй половины XVI в. стали именоваться просто «шляхта» (средние и мелкие собственники). Им принадлежало одно или несколько имений с землей, а также работающие на них крестьяне. Шляхтичи имели свои гербы, полученные по наследству или от короля. На протяжении XVII–XVIII вв. данная категория шляхетства именовалась «фольварочная шляхта».

Выделялся слой малоимущей шляхты. В их владении находилось 5–10 волок земли, которую обрабатывали либо крестьяне (что было редкостью), либо сами хозяева. По своему материальному положению рассматриваемая группа шляхтичей приравнивались к крестьянам, однако ценности, убеждения, нормы, традиции, господствующие в этой среде, породили своеобразную, так называемую, корпоративную культуру. Также стоит отметить, что представители данного социального слоя пользовались определенными льготами, привилегиями, которыми обладало все шляхетское сословие. Часто они образовывали такой вид поселения как «застенок» или

«околицу», располагавшиеся отдельно от крестьянских. Отсюда и название «застенковая», «околичная» или «загоновая» шляхта.

Существовала еще одна категория шляхты, так называемая «голота». Люди, относившиеся к данной группе, не имели своей земли, а арендовали ее у государства либо магнатов за что должны были платить деньги («чиншевая шляхта»), либо нести службу («служилая шляхта»). Стоит подчеркнуть, что хоть большая часть шляхетства не располагало большим достатком, она отчетливо выделялась на фоне других сословий.

Основным источником права XVII в., регулирующим отношения между сословиями, утверждающий их права и обязанности, выступал Статут 1588 г., который без сомнения можно назвать величайшим памятником юридической мысли и культуры в целом. Конечно, принимались и другие законы, которые в некоторой степени пополняли Статут (в 1668 г. было утверждено постановление, согласно которому за отказ от католического вероисповедания, человеку грозило изъятие имущества или изгнание из страны).

Статут 1588 г. выступал образцом законодательства для многих стран, подтверждением чему служат переводы документа на иные языки. Так, например, в 1614 г. статьи Статута были изложены на польском языке и многократно переиздавались на нем. Стоит отметить и то, что идеи, пронизывающие документ 1588 г., оказали сильное воздействие на правовую мысль Российского государства (в частности, это прослеживается в своде законов 1649 г., который вошел в историю под названием Соборного уложения).

Третий Статут включал в себя множество положений, принятых предыдущими нормативно-правовыми документами (Статут 1529 г., Статут 1566 г.). Это так называемый статутный период в правовом развитии государства. До создания систематизированных нормативных документов, законодательная сфера характеризовалась подписанием отдельных нормативно-правовых актов (привилей, грамоты и т.д.). Так, например, привилей 1387 г., утвержденный великим князем литовским князем Ягайло, значительно расширил права представителей феодального сословия: право распоряжаться и передавать по наследству свои владения; освобождение от ряда повинностей и пр. Однако стоит отметить, что подобного рода привилегии получили лишь феодалы католического вероисповедания. Закрепление прав всего феодального сословия произошло в годы правления Казимира IV (Привилей Казимира 1447 г.). Особое значение имеет привилей Александра 1492 г., в котором утверждалось, что князь не в праве без ведома

Рады принимать решения: назначать людей на государственные должности, либо лишать должностей; распоряжаться финансами и др.

В целом, правовыми актами, принятыми в XV в., последовательно утверждалось равное полиэтническое положение шляхетского сословия Великого княжества Литовского, в котором государство хотело видеть поддержку, за что даровало им определенные привилегии: шляхтичи наделялись земельным наделом, получали государственные должности и др.

В XV–XVI вв. вся совокупность процедур, направленных на конструирование, обсуждение, принятие и утверждение нормативно-правовых актов, была на невысоком уровне. Сперва правообразование на данном этапе развития выступало процессом узаконивания бытовавших обычаев, которые формировались на протяжении долгого периода времени и отражали сознание общества, все своеобразие отношений между его различными группами населения. Исключительным правом узаконивания данных обычаев обладали Князь, а также знать, имеющие доступ к власти.

Постепенная трансформация феодального общества, послужила причиной обобщения и усовершенствования существующего законодательства. В связи с чем и был утвержден Статут 1529 г.

В Статуте закреплялись основы устройства общества и государства; положение представителей тех или иных сословий, их права и обязанности. В том числе, указывался круг обязанностей, возложенных на князя: территориальная неприкосновенность, гарантия безопасности, защита граждан и др. Данным нормативно-правовым актом защищались интересы прежде всего феодального сословия, юридически закреплялось их господство над крестьянами

Статут 1529 г. действовал на всех землях, входивших в Великое княжество Литовское. Он выступал источником новых прогрессивных идей.

Однако к середине XVI в. в связи с оживлением культурной, политической, социальной, экономической сферами возникла необходимость в пересмотре действующих законодательных актов.

Новый свод законов не был утвержден сразу, поскольку в период разработки документа происходили постоянные конфликты между теми, кто выступал за инкорпорацию Великого княжества Литовского с Польшей и теми, кто отстаивал самостоятельность Княжества, а также между сторонниками реформационного движения (на территории Беларуси широких масштабов достигло в сер. XVI в.) и теми, кто не являлся последователем распространяемых реформационных идей. Учитывая тот факт, что глава государства содействовал приверженцам Польского Королевства и католицизма, Николай Радзивилл со своими сторонниками

желали скорее принять новый Статут, к тому же Сигизмунд II Август 13 марта 1564 г. принял документ, в котором было постановлено об отказе его прав на Великое княжество Литовское. После данной декларации реформаторы настоятельно попросили созвать сейм и утвердить новый правовой документ. Но на сейме 1564 г., который вошел в историю как Бельский, был принят только привилей, разработанный Радзивиллом. На этом попытки принятия Статута не были прекращены. Так, например, в 1565 г. на Виленском сейме вновь обсуждался вопрос, касающийся утверждения данного документа. Однако это было снова безрезультатно.

И только с 1 марта 1566 г. Статут вступил в силу. В него вошли законодательные акты 1563, 1564, 1565 г., а также указ о корректировке некоторых статей Статута.

Данные документы упорядочивали правовые новшества, игравшие огромную роль для государства, и были отражены в самом Статуте.

Особое значение имел общегосударственный законодательный акт 1564 г., в котором оглашалось формирование самостоятельных шляхетских судов. Наряду с этим устанавливалось равенство всего шляхетского сословия перед судом и законом.

В Виленском привилее 1565 г. делался акцент на том, что депутаты местных представительных органов шляхты (поветовые сеймики) должны иметь при себе документы, в которых помимо решений относительно общественных, государственных дел, необходимо указать пожелания каждого повета «выправляти и через листы пословъ потребы Речи Посполитое и кожного зособна повѣту до насъ Господаря приносити, во всемъ справуючись потому, яко въ панствѣ нашомъ Корунѣ Польской обычай около таковыхъ зѣздовъ соймовъ повѣтовыхъ отправление пословъ и отношенья потребъ Речи Посполитое на сеймъ вальный передъ насъ Господаря заховывається» [9, с. 48]. Исходя из этого мы видим, что система государственного устройства, которая формировалась на протяжении второй половины XV – первой половины XVI вв. и для которой характерно четкое разделение законодательных и исполнительных функций, приобрела юридическое оформление. Безусловно, это можно проследить и в Статуте.

Большое количество нормативных актов Статута 1566 г. свидетельствовали о новой ступени в развитии правовой сферы того времени.

Одними из наиболее значимых положений Статута являются те, в которых фиксируется независимость государства, принцип международного права, в соответствии с которым территория объявляется неприкосновенной со стороны других государственных образований, а также права и

обязанности граждан. Стоит отметить, что данные нормы занимают первые три раздела документа, что говорит об их особой значимости, а также о появлении отрасли конституционного права. Некоторые исследователи данной области, такие как И. А. Юхо, А. Ф. Вишневецкий, Т. И. Довнар и др. утверждали: «Канстытуцыйнае права Статута значна апярэджвала развіцце канстытуцыйнага права краін Заходняй Еўропы, у якіх яно набыло самастойнае значэнне як адмысловая галіна права толькі ў XVIII ст.» [9, с. 20].

Не менее значимыми являлись законы принятые в отношении главы государства и ограничивающие его полномочия. С одной стороны, они представляли собой торжественное заверение самого князя соблюдать определенные права; с другой стороны, являли собой прямое указание. Так, например, князь не имел право без дозволения высшего органа государственной власти – сейма – начинать военные действия или взимать плату на военные расходы; принимать новые постановления, не соответствующие Статуту; отнимать служебные места, звания и др. Неоспариваемым требованием являлось утверждение законов только на вальном сейме.

Статут 1566 г. гарантировал осуществление ранее принятых нормативно-правовых актов и тех, которые будут утверждены в будущем: «даныхъ, и што еще будутъ даваны впередъ, непорушнѣ неотмѣннѣ (вѣчными часы ховати)» [9, с. 77].

В Статуте можно обнаружить ростки норм, касающихся буржуазных отношений. В документе утверждалось равенство граждан перед законом и судом. Однако, с другой стороны, простой народ не имел права представительства на сейме, а также права на получение государственных должностей. При этом отмечалось их право избирать себе панов и Господарей Великих Князей Литовских. Из этого можно сделать вывод, что в Статуте 1566 г. утверждались и политические права.

Помимо вышеуказанных, в документе рассматривались нормы, касающиеся защиты личных неимущественных прав (безусловно, в первую очередь они относились к представителям шляхетского сословия: право на жизнь, честь, достоинство и т. д.); гражданско-правовых отношений (главным нововведением выступало право, согласно которому шляхтичи могли по своему усмотрению распоряжаться своими земельными владениями с хозяйственными и жилыми постройками, а не 1/3, как было изложено в Статуте 1529 г. Учитывая этот факт, мы можем даже говорить о начале веяний капиталистических отношений); семейного, уголовного, процессуального права.

Статут 1566 г. несомненно является новой вехой в развитии политико-правовой мысли Великого княжества Литовского, в котором прекрасно сплетены собственный теоретический материал с европейскими наработками в правовой сфере. Благодаря этому он на протяжении большого периода времени выступал выдающимся примером законодательства.

Вследствие культурного сдвига, социальных, экономических, политических трансформаций, в частности вызванных несанкционированным включением Подляшья, Волыни, Киевщины и Подолья и возникновением на международной арене нового государственного образования – Речи Посполитой, появилась потребность в пересмотре законодательной сферы.

В этот период формируется так называемая статутная комиссия под руководством Астафия Воловича и Льва Сапегы. После кончины Сигизмунда Августа взаимоотношения между двумя государствами, Великим княжеством Литовским и Польшей, настолько накалились, что вопрос о разрыве союза стал наиболее актуальным, поэтому и необходимость в изменении законов 1566 г. отпала. В связи с этим, статутная комиссия прекратила существование, однако через 12 лет вновь возобновила свою деятельность и предоставила план Статута, поскольку на сеймах неоднократно рассматривался вопрос о пересмотре законодательной сферы. Королевство Польское же всячески препятствовало утверждению нового документа, ведь III Статут игнорировал акт принятой в 1569 г. унии. Правивший на тот момент Сигизмунд III Ваза боясь потерять свой титул и престол признал новый свод законов, что произошло 28 января 1588 г.

III Статут во многом превосходил ранее принятые правовые акты и содержал множество передовых идей. В нем нашли свое развитие прежде всего нормы конституционного права. Он регулировал систему политико-правовых, административных, экономических и социальных отношений, правовое положение тех или иных групп населения. Стоит отметить, что данный свод законов, как и ранее утверждал независимость Великого княжества Литовского.

В статьях Статута, изложенных в первом разделе («О персоне нашей г[о]с[по]д[а]рьской»), закреплены нормы, касающиеся конституционного права, а также нормы, предусматривающие ответственность за преступления, совершенные против господствующего политического строя.

Второй раздел «О обороне земьской» посвящен обязанности мужчин нести военную службу. Оборона Княжества являлось долгом «все обыватели тутошнего паньства» [33, с. 21]. Одной из важных идей, которая свидетельствовала об ограниченности власти «Господаря», являлась идея о том, что он не вправе самостоятельно принимать решения об объявлении и

ходе войны: «А без сойму и позволения всех становъ войны въчинати и вести не маемъ» [33, с. 22]. Помимо этого, в документе указывались случаи, по которым мужчина мог быть освобожден от исполнения воинских обязанностей, а также утверждались наказания за совершение военных преступлений.

Третий раздел охватывал нормы, касающиеся прав и привилегий шляхтичей. Так, во втором артикуле третьего раздела сказано: «Такъже мы, г[о]с[по]д[а]рѣ, обещуемъ словомъ нашимъ за нас и за потомъки наши, великие кн[я]зи литовские, подъ тымъ же обовязкомъ нашимъ, яко вышей у першомъ артыкуле есть описано, ижъ всихъ кн[я]зей и пановъ радъ, яко духовныхъ, такъ и светскихъ, и всихъ врьдниковъ земскихъ и дворныхъ, пановъ хоруговныхъ, шляхту, рицерства, мещанъ и всихъ людей посполитыхъ у великомъ князстве литовскомъ и во всихъ земляхъ того панства маемъ заховати при свободахъ и волностяхъ хрестиянскихъ, в которыхъ они, яко люди волные, волно обираючи зстародавна и з вечныхъ своихъ продковъ себе пановъ а господарей, великихъ князей литовскихъ, жили и справовалисе прикладомъ и способомъ волныхъ панствъ хрестиянскихъ, ровнуючи а однако маючи и тыхъ вольностей уживаючи, з суседы и братьею своею рицерствомъ и иными станы народу коруны польское, а особливе над то при свободахъ и вольностяхъ на привил[ь]яхъ и листехъ великихъ кн[я]зей литовскихъ, продковъ нашихъ, и от насъ имъ такъ всимъ, яко и каждому зособна на достоенствы, врьды, на именья, на люди, на кгрунты и на што жъ кольвекъ даныхъ и што ещо будутъ даваныхъ, вперед непорушне и неотм[е]нне вечными часы ховати» [33, с. 30].

Не менее важным в документе выступают моменты, в которых высказывается мысль о независимости Княжества, осуществляемой посредством расширения территориальных границ: «Мы, г[о]с[по]д[а]рѣ, обещуемъ тежъ и шлюбуемъ то за себе и за потомъки наши, великие кн[я]зи литовские, под тою жъ присегою нашою, которую есмо учинили всимъ обывателемъ всихъ земель великого князства литовского, ижъ тое то славное панство, великое князство, и вси земли, ку нему здавна и теперъ належачие, въ славе, тытулахъ, столицы, зацности, владзы, можности, росказыванью и въ иншихъ всякихъ належностяхъ и прислухиванью и тежъ в границахъ ни в чомъ уменшивати и уимовати або понижати не маемъ. И овшемъ ещо всего того примножати хочемъ и будемъ» [33, с. 30].

В четвертой статье рассматриваемого раздела фиксировалось обязательство государя вернуть территории, ранее принадлежавшие Княжеству, что не соответствовало Люблинской унии.

Последующие статьи оглашали неприкосновенность имущества шляхетского сословия, запрет на раздачу земельных наделов и должностей тем, кто не является выходцем Великого княжества Литовского, а также запрет на разработку новых положений, противоречащих Статуту.

На протяжении всего документа прослеживается идея правового государства, что подтверждается фиксированным в нем принципом разделения властей, принципом уголовного судопроизводства, суть которого заключалась в то, что человек, если его вина не доказана, считается невиновным.

Положения Статута обязывали судей при вынесении решения действовать в соответствии с предписанными нормами права, применять наказание в зависимости от характера и степени опасности совершенного преступления (принцип справедливости), брать во внимание все стороны дела, а в случае неоднозначности ситуации – принимать решение в пользу обвиняемого.

Свод законов защищал не только интересы шляхетского сословия, но и всех свободных граждан, что говорит о признании права на существование других религий, идей гуманизма (так, например, запрещалась передача в неволю свободного человека; уголовная ответственность применялась в отношении лиц с 16 лет).

Правовые меры не применялись в отношении несовершеннолетних, людей, страдающих психическими расстройствами, а также тех граждан, действия которых носили оборонительный характер.

Одна из статей Статута декларировала применение смертной казни в отношении шляхтичей за лишение жизни простого человека. Несмотря на то, что порядок осуществления процессуальной деятельности в отношении шляхетского сословия довольно сложен, сам факт принятия положения, ориентированного на защиту простых граждан от феодалов, имел колоссальное значение.

Принятые в Великом княжестве Литовском нормативно-правовые акты именовались по-разному, о чем повествуется нам в трудах многих исследователей в области права (Ф.И. Леонтовича, М.К. Любавского, И.В. Якубовского, М.Н. Ясинского и др.). В XIV–XVI вв. с учетом того, что содержалось в документах, каким способом они были приняты, использовались такие наименования, как ухвалы, уставы, постановления, грамоты, листы, артикулы, универсалы, привилеи и т.д., однако точного разграничения между ними не наблюдались. С формированием сословного представительного собрания (сейма), документы в большей степени

назывались ухвалами, уставами, постановлениями, а в XVII в. – еще и конституциями.

Исходя из вышесказанного следует, что магнатория и представители шляхетского сословия Великого княжества Литовского согласно нормативно-правовым документам были равны и представляли собой целостное правящее сословие. Однако это было лишь формально. В действительности социальное положение и роль магнатов были несравнимо выше нежели у шляхтичей, но все же они были вынуждены считаться с последними, поскольку в период так называемой шляхетской демократии шляхта выступала гарантом устойчивости и надежности. Даже самым богатым собственникам земли и представителям духовенства не всегда удавалось достичь своих целей без поддержки шляхетства.

Вся совокупность предоставляемых шляхетскому сословию льгот, которые разрабатывались на протяжении XIV–XVI вв. получили название «шляхетских вольностей»: право распоряжаться землей и крестьянами; освобождение от общественных или государственных обязанностей, за исключением воинской повинности; право занимать государственные посты; возможность без помех перемещаться как внутри государства, так и за границу; право заседать на сеймах; не посягательство на жизнь; защита моральных, профессиональных, социальных и др. достоинств. Первоначально они фиксировались в форме отдельных нормативно-правовых актов (привилейный период), затем были систематизированы в Статутах 1529 г., 1566 г. и 1588 г., последний из которых стал основой юридической мысли XVII ст.

2.2 Идеология сарматизма и ее репрезентация в культуре

Сарматизм представлял собой уникальное явление в жизни шляхетского общества, мировоззренческий концепт, согласно которому шляхтичи вели свое происхождение от племен – сарматов. Многовековая история данных племен развивалась на землях, простирающихся от Алтая и Сибири на востоке до Карпатских гор на западе [35, с. 10]. Если учесть историю отделившихся групп, то территория распространения сарматов включает земли на запад до Франции, Испании и Британских островов и на восток до Восточно-Каспийского моря [35, с. 11].

Древнегреческий историк Геродот в своей книге «История» пишет об этом народе так: «За рекой Танаисом – уже не скифские края, но первые земельные владения там принадлежат савроматам. Савроматы занимают

полосу земли к северу, начиная от впадины Меотийского озера, на пятнадцать дней пути, где нет ни диких, ни саженных деревьев» [6, с. 11].

Считалось, что в связи с приходом чужаков сарматы вынуждены были покинуть свои земли. Продвигаясь на север и запад, они постепенно завладели территориями Великого княжества Литовского и сумели подчинить себе проживавшее на этих землях население, тем самым сформировав широкий знатный слой общества. Это предание выступало объяснением тому, почему шляхта занимала особое положение в государстве.

Шляхтичи чувствовали гордость за то, что являются потомками воинственных племен, поэтому они прикладывали максимум усилий для распространения своих идей.

Сарматизм оказывал мощное воздействие на все сферы общества. Он предстал не просто как этап истории, рассматривающий развитие искусства (именно барочного), но и как система воззрений, мировоззрение, а отсюда и образ жизни шляхетского сословия. Сарматизм, словно зеркало, выступил отражением его образа мышления, восприятия мира, включая разные уровни социальной иерархии – от высшего до низшего.

Единого мнения о том, что же все-таки стоит вкладывать в содержание данного термина, нет. Существуют разные подходы к трактовке сарматизма и его роли в развитии белорусской культуры и общества. Известный украинский историк Алексей Кресин указывал на распространение феномена сарматизма среди всей шляхты – польской, белорусской, украинской, литовской и уровней социального лифта шляхты – от высшего слоя до низшего.

Одной из точек зрения является тезис, согласно которому сарматизм выступает видоизменением европейской культуры барокко. Этой трактовке придерживались такие исследователи, как Т. Маньковский, А. Андьял. Маньковский, находясь у истоков этого подхода, пришел к выводу, что сарматизм есть культура Польши в период распространения барочных тенденций [19, с. 20].

Я. Пельц, известный польский филолог и историк литературы, писал, что приравнивать такие понятия, как барокко и сарматизм отнюдь неверно, поскольку последнее является последствием принятых норм, идей, символов. Однако стоит отметить, что и для этого исследователя сарматизм выступал дефиницией польской культуры.

По мнению вышеуказанных ученых, сарматизм охватывал период с конца XVI в. по первые десятилетия XVIII в.

Вторая точка зрения рассматривает сарматизм как мировоззрение представителей шляхетского сословия того периода истории, когда они занимали лидирующие позиции во всех сферах общества. Так, например, Я. Тазбир утверждает, что сарматизм как система взглядов и представлений – предстает как «“субкультура” шляхетской прослойки общества» [19, с. 21].

Занимаясь изучением «субкультуры», ученые выдвинули ряд ее устойчивых характеристик: аристократизм, патриотизм, республиканство («золотые вольности»), мессианизм – вера в особую роль шляхетского сословия.

Такого мнения придерживались и иные исследователи, в частности, Ст. Цынарский, Я. Мачишевский, Ч. Хернас. Они заявляли, что положение шляхетства в Речи Посполитой вовсе не является исключением из истории феодального европейского общества, впрочем, как и желание представителей этого сословия отыскать свои этнические корни и доказать национальную исключительность [19, с. 21].

Такая интерпретация «сарматизма» позволила выдвинуть его новые хронологические рамки, а именно конец XVI в. – конец XVIII в.

Еще одна трактовка была выдвинута исследователями в области социальной атропологии (А. Брюкнер, Е. Быстроля, Вл. Лозинский). Сарматизм в их ключе предстает как «стиль жизни», поэтому главной целью ученых было подробное изучение обрядов, традиций, обычаев; повседневности представителей тех ли иных сословий [19, с. 22].

Особое значение приобрела статья, опубликованная в научном труде «Тексты» 1974 г. В ней были изложены неспорные моменты, касающиеся сарматской культуры; вопросы, требующие детального рассмотрения.

Так, например, Т. Хшановский вступая в спор с некоторыми исследователями, утверждает, что рассматривать сарматизм как направление в искусстве абсолютно неверно. Он представляет собой совокупность «принципов и вкусов, которые опираются на идеологию» [19, с. 23]. В отношении XVII в. ученый подчеркивает, что в данном случае правильно говорить о двух типах сарматизма: шляхетском (он и является подлинным) и магнатском. Соответственно, восприятие идей сарматизма разными слоями шляхты было неоднозначным. Магнateria не стремилась в полной мере следовать всем сарматским правилам, что нельзя сказать про мелкую шляхту. Миф о равном происхождении, а отсюда и равном положении в обществе был только «на руку» магнатам. Они использовали его с целью продвижения своих интересов, распространения своего влияния на сословно-представительном учреждении (сейме). Для мелкой шляхты сарматизм

занимал важные позиции, выступая движущей силой жизни. Считалось, что приверженность традиционному сарматизму есть подлинный патриотизм.

Не менее важный вклад в изучение сарматской культуры внесли социологи, в частности Ст. Кот, («Национальное сознание в Польше XV–XVII вв.») и Ст. Оссовский («Общественные связи и кровное родство»). В сарматизме они видели источник национального сознания. Особое значение приобрело всестороннее исследование феномена сарматской культуры и его влияния на все стороны жизни шляхты, проведенное белорусской исследовательницей Л. Климуть [14, с. 127].

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие обобщения относительно содержания термина «сарматизм»: он выступает сочетанием идеологии (взгляды, интересы, нормы, политические права и т. д.), материальной повседневной культуры и барочных тенденций.

На территорию Великого княжества Литовского и Королевства Польского в целом привозили множество восточных товаров, оружие и другие военные трофеи. Восточные мотивы (их роскошь, великолепие) ярко прослеживаются в интерьерах домов и одежде магнатов. Но это было не простое копирование элементов, а синтез с местными традициями. Так, чистошелковая ворсовая ткань, обилие меха, использование золота при пошиве – характерные черты шляхетских одеяний, которые подчеркивали не только принадлежность к высшему сословию, но и выступали отражением характера нации.

Возникает вопрос, чем же обусловлен такой интерес шляхетского сословия к восточным мотивам, в особенности к культуре Османской империи? Можно ли объяснить это явление простым интересом ко всему новому, чужеземному? Вряд ли. Скорее всего это было связано с личностью короля, его вкусами и пристрастиями. Например, при правлении Стефана Батория в моду вошел кунтуш, пришедший на земли Великого княжества Литовского из Венгрии. Венгры же переняли его у турок. Однако стоит отметить, что турецкий кунтуш по крою вовсе не был схож с тем, что носили в Княжестве.

Сарматизм сочетал в себе стремление к роскоши, к некоторым пластам нехристианской культуры в сочетании с барочными тенденциями.

XVII в. – это век господства барокко, пришедшего к нам из Италии. Но это не было простым копированием, барочные элементы вступая во взаимодействие с местными традициями, образовали неповторимую культуру, которая вовсе не уступала европейской. К основным принципам барокко и в тоже время его основной темой выступают принцип «*vanitas mundi*», т.е. речь идет о бренности этого мира, его ломкости,

недолговечности; принцип «Constantia», согласно которому бытующему непостоянству и противоречивости противопоставляется неизменность духа человека, который пытается отыскать поддержку в собственной душе и вере, а также принцип «discordia concors», для которого присуще бытование двух несводимых друг с другом начал [30, с. 8–12]. Можно предположить, что сарматизм перенял этот дуализм (христианство и интерес к восточной культуре), поскольку пик его расцвета приходится именно на период бытования барочных тенденций.

С другой стороны, культура сарматизма уже сама по себе подразумевала эти восточные мотивы, поскольку сарматы были восточными племенами (их нередко сопоставляли с современными татарами, в особенности с турками) [14, с. 16].

Турецкие воины, несмотря на то, что являлись мощными противниками, сильными игроками на международной арене, воплощали собой идеал воина. Их безудержная верность своему делу, идее, умение владеть оружием всегда приводили в восторг большинство представителей шляхетского сословия. Более того, турецкая одежда в сознании шляхтичей воспринималась как символ победы над врагом.

Великое княжество Литовское представляло собой полиэтничное образование. Немалое количество ученых отмечают то, что несмотря на многоконфессиональный характер, для Княжества характерно толерантное отношение одних религиозно-конфессиональных групп к другим. Необходимо подчеркнуть, что дифференциация на конфессии полностью не соотносилась с социально-этническим делением государства, поэтому утверждать, что представители высшей ступени шляхетства придерживались католического вероисповедания, а другие слои общества, например, крестьяне, исповедовали православие или же униатство, неверно.

Нет сомнений в том, что такие межкультурные контакты отразились на сознании, восприятии мира людей разного социального положения и вероисповедания, и конечно же повлияли на отношение к сарматской идеологии. Так, в Великом княжестве Литовском в сарматской культуре на протяжении всего XVII в. на первый план выходит ее социальная сторона, нежели в Польше, где в приоритете был религиозный аспект.

В результате таких взаимовлияний барочных тенденций и сарматской идеологии образовалась, поистине, уникальная, отличная от других, культура. Она породила немалое количество великолепных памятников, выступающих материальным воплощением бытовавшего мировоззрения. Одним из шедевров искусства стал сарматский портрет.

Если мы посмотрим на европейские портреты XVII в. и сравним их с портретами, которые были распространены на белорусских землях в это время, то мы найдем немалые расхождения в передаче образа. И утверждать, что это обусловлено уровнем профессионализма художников, отнюдь неверно. Белорусский портрет XVII в. представляет собой новый подход в живописи рассматриваемого периода.

В Западной Европе человек воспринимался как часть объективной реальности во времени и пространстве, а в сфере искусства – как часть «живописной действительности» [36, с. 138]. Человек как миниатюра Вселенной, через которого можно постичь сущность всего мироздания, раскрывался художником за счет характерных для барокко атрибутов: богато переданного фона (в независимости от того, внутреннее ли это убранство зданий или же природа); непростого сочетания элементов в пространстве (не нарушая их гармонического взаимодействия); много вариативности тем. Одной из немаловажных черт барочного портрета является размытие границ между реальным миром и миром, который изображен на полотне живописца. Смотря на картину, мы словно становимся соучастниками тех событий, которые хотел показать художник. Присущие барокко оживление, интенсивность передаются за счет разнообразия цветовой палитры, благодаря чему человек начинает ощущать целостность бытия во всей его двойственности.

Портрет белорусских земель рассматриваемого периода вовсе не предполагает диалога между зрителем и изображенным образом. Сколько усилий бы мы не прикладывали, нам не удастся установить контакт. Если же портретируемы и вступают с кем-то или с чем-то в коммуникацию, то только с «запредельностью, минуя реальность», как пишет Л.И. Тананаева [36, с. 142]. Сходство с моделью, хотя и не в полной мере, но все же должно было быть отображено на полотне. Однако художники нередко нарушали соблюдение пропорций, поскольку для сарматизма самым важным считалось показать к какому роду принадлежит портретируемый. Так, например, при написании портретов представителей рода Радзивиллов, людей изображали с большими носами.

Но все же на первый план выдвигалась социальная, военная или же политическая значимость портретируемого, поэтому наибольшее значение придавалось окружающим предметам и текстам, занимающим немалую часть холста. Благодаря этому можно было узнать, кто изображен, какой статус этого человека в обществе. В качестве обязательного атрибута выступало клинковое холодное оружие – сабля; командующих армией (гетман) изображали с булавой, а канцлера – с печатью и т.д.

Поэтому, как пишет Тананаева в своем труде «Сарматский портрет» «в сарматском портрете конкретный человек не столько изображается, сколько обозначается, он – лишь условный знак, ...» [36, с. 142]. Однако существует и иная точка зрения, согласно которой фигуры все же имеют некие индивидуальные черты.

Стоит отметить, что атрибутика также использовалась и в европейской портретном жанре, однако ей отводилось не первостепенное значение.

Одной из ключевых положений сарматской культуры было представление шляхтича как воина, безусловно это не могло не отразиться в живописи.

Ментальность шляхты XVII в. опиралась на идеи *Antemurale Christianitatis*, предполагающие сочетание рыцаря-воина и рыцаря-католика, итогом которой стала концепция *homo militans*, или «человек сражающийся», как называл представителей шляхетского сословия Чеслав Хэрнас, польский филолог и фольклорист [3].

Многочисленные войны, пронизывающие земли Речи Посполитой, постепенно формировали определенные качества: безудержная смелость, способность и умение подавлять страх, панику; готовность идти в бой. Это человек, который обороняет свою веру и свои «шляхетские вольности». Конечно, все это нашло отражение в портретном жанре.

С точки зрения религиозных святынь, это в большей степени философская концепция, согласно которой предназначение человека заключается в постоянной борьбе с миром Зла. Синтез героического с христианскими идеалами является характерным элементом портрета.

Для передачи специфики образа необходимо было использовать подходящие для этого средства. Во-первых, посмотрев на работы художников можно отметить, что в них по-особому строится пространство картины: линия горизонта изображается достаточно низко. Создается «эффект господства изображенного лица над окружающим пространством», который подчеркивается также за счет позы человека: чаще всего, она горделива и сценична (что является немаловажным элементом репрезентативного портрета) [37, с. 46].

Особое значение отводилось цвету. Как пишет Тананаева «цвет является жизнью и душой сарматской живописи ...» [36, с. 130]. Фигуры писались на темном фоне или же в условно придворном помещении.

В портретах акцентировалось внимание на одежде и аксессуарах. В рыцарском портрете прекрасным образом соединяются идеи сарматской и христианской культуры. Портрет, давая нам информацию о портретируемом, в частности, какое положение занимал этот человек в обществе и др.,

выполняет и воспитательную функцию. Также стоит обозначить, что единой схемы при написании рыцарского портрета не было. Как отмечал советский белорусский ученый, общественный и культурный деятель А. Ходыко, в рыцарском портрете человек мог изображаться как в доспехах, так и в кунтуше. Первым примером рыцарского портрета является портрет Юрия Радзивилла XVI в. В качестве примера портретов XVII в. можно выделить портрет Януша Радзивилла (1650-е гг.), портрет Анджея Казимира Завиши (1677 г.), портрет неизвестного в латах (вторая четверть XVII в.).

Женский портрет создавался на подобие мужского. Образ женщины (которая олицетворяла собой в первую очередь образ шляхетского достоинства и совокупности ролей, которые она должна была выполнять в обществе, а именно роль матери, жены и в то же время хранительницы традиций), как и мужчины, не только в живописи, но и других сферах белорусского искусства XVII в., выполнял прежде всего социальную и идеологическую функцию. Главное было передать общие характеристики рода. В женском сарматском портрете также присутствовали надписи, повествующие нам о происхождении; черты лица дамы должны были обладать родственным сходством. Все отличительные свойства, воплощались посредством материально чувственно-воспринимаемых объектов и символической среды сарматизма.

Женские портреты XVII ст. формируют ощущение неоднозначности. Нет сомнений в том, что они отличаются по качеству, навыкам их творцов. Однако не в этом заключается вся суть. По своей структуре портреты XVII в. Великого княжества Литовского напоминали парадные западноевропейские портреты. Женщины предстают перед нами в торжественном одеянии. Богатство нарядов, разнообразие и большое количество драгоценных камней вызывают восторг у зрителя.

Однако это пышность и торжественность одеяний сочетается с суровостью черт лица. Шляхтянки на портретах лишены раскованности, непринужденности в отличие от своих западноевропейских современниц. С точки зрения этого аспекта, работы живописцев Западной Европы отличаются более высоким уровнем в передаче эмоциональности образов. Бесспорно, намеренное подражание приемам, формам мастеров прошедших эпох соотносилась с идеологическими и социальными нуждами того времени. В качестве примеров можно привести «Портрет неизвестной», который размещается в Национальном Художественном музее г. Минска, портрет Эльжбеты Радзивилл, портрет Гризельды Сапеги, написанный в 1630-е гг. Обычной практикой являлось написание портрета с умершего. Этот тип искусства использовался и в Речи Посполитой, но все же не был

широко распространен. Феноменальным являлось то, что в произведениях живописи рядом с живым человеком изображали усопшего. Например, портрет Катажины и Марии Радзивилл, написанный Иоганном Шреттерэм в 1646 г.

Исходя из выше сказанного, мы видим, что существует множество подходов к трактовке понятия сарматизма. Однако в целом, мы можем сказать, что сарматизм представляет собой сочетание философии, мировоззрения, идей с материальной бытовой культурой и барочными веяниями.

Сарматизм во многом способствовал единению Королевства Польского и Великого княжества Литовского, однако при этом имел свою специфику на белорусских землях. В большей степени это относится к таким сферам жизни, как религиозная и культурная, в которых наиболее ярко прослеживались различия между двумя государствами.

Материальным проявлением сарматизма выступал сарматский портрет. Главная его задача вовсе не заключалась в передаче эстетического наслаждения. Как отмечает Климуть, сарматский портрет «хутчэй ілюстраваная генеалогія, чым чысты жывапіс» [15, с. 35]. Он как бы находится за пределами живописи XVII в. Это объясняет то, что художники того времени использовали специфические для живописи средства: поверх изображаемых объектов вводили текст, занимающий немалую часть работы; использовали атрибутику и геральдику как источник информации. Данные элементы придают некую мозаичность и делают сарматский портрет уникальным в своем роде.

ГЛАВА III. ФЕНОМЕН ВОИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ САРМАТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ XVII В.

3.1 Особенности воинской культуры шляхетского сословия Беларуси XVII в.

Воинская культура являет собой достаточно сложный и многогранный феномен. Стоит отметить, что указанное понятие довольно часто рассматривают как синонимичное понятию военная культура, однако это не совсем верно. Отличие кроется в смысловом наполнении таких слов как «воин» и «военный». Понятие воина намного шире, нежели понятие «военный». Согласно известному советскому и российскому лингвисту и лексикографу Т. Ф. Ефремовой: воин – «тот, кто обладает воинскими качествами, кто опытен в военном деле» [11], или же как писал не менее известный специалист в данной области С.И. Ожегов: воин – «человек, который служит в армии, воюет, тот, кто сражается с врагом» [25], военный же это тот, кто «состоит на действительной военной службе; военнослужащий» [41]. Исходя из данных определений можно обозначить, что воином может выступать любой человек, участвующий в военном действии, в том числе не служащий в армии.

Поэтому разделяя термины «воинская культура» и «военная культура», отметим, что первая подразумевает под собой «нормы, правила поведения, ценности и т.п., которые характерны для человека, принимающего участие в военных действиях», последняя – культура, «целенаправленно внедряющаяся в сознание военнослужащих или профессиональных военных» [16].

Нет сомнений в том, что воинская культура развивалась вместе с общей культурой, претерпевая определенные изменения, впитывая в себя новые элементы. Для наиболее полного осмысления данного явления необходимо учитывать множество факторов, в частности то, что в разных странах и исторических эпохах воинская культура проявлялась по-разному. Особый интерес представляет собой воинская культура шляхетского сословия Беларуси XVII в.

Как было сказано ранее, образцом сарматских идеалов, рассматриваемой культурно-исторической эпохи, выступали шляхтичи-воины. Польские и белорусские исследователи сарматско-шляхетской культуры не раз обращались в своих трудах к проблеме соотношения таких понятий как «средневековый рыцарь» и «шляхта», пытаясь четко обозначить их схожие черты и отличия, учитывая социальные, экономические аспекты

сложившегося общественного строя, особенностей белорусского общества и Речи Посполитой в целом.

Идеал средневекового рыцаря выразил в себе представления об исключительном призвании правящей элиты – аристократии эпохи Средневековья, в котором каждая социальная прослойка исполняла свою священную функцию. Основным долгом представителей рыцарского сословия выступали защита народа и своей Родины, а важнейшими его характеристиками – сочетание высокого уровня развития таких черт, как нравственность, честность и самоотверженность.

Стоит отметить, что господствующие среди рыцарства морально-этические нормы не распространялись на иные сословия, а значит были «социально ограниченными» [20, с. 107]. В период расцвета идеал рыцарства приближался к аскетическому. Так, например, истинный представитель данной привилегированной социальной группы не дорожил своим имуществом, а порой и вовсе его не имел. Он – воин, готовый отдать свою жизнь.

Однако стоит подчеркнуть, что для рыцарей были свойственны и абсолютно противоположные качества: стремление к славе, почестям, желание обогатиться в военных походах. Внешний вид рыцаря полностью отражал эти устремления, его одеяния отличались роскошью и богатством, внешняя форма поведения и жестикуляция были подчинены строгим правилам. Надобность следовать высшим нравственным целям не всегда обуславливалась той или иной религиозной мотивировкой. В большей степени сильное влияние средневекового рыцарского идеала наблюдается в таких сферах общества, как политика и военное искусство. Именно такие черты средневекового идеального рыцаря были даны нидерландским философом, историком, исследователем культуры Йоханом Хёйзинга. Кроме того, исследователь часто указывал на расхождение этого идеала с действительностью. Однако это было совершенно осознанным, не воспринималось трагически, а значит было заложено изначально.

Другими словами, подражание определенному образу в средневековой культуре являлось одним из механизмов регуляции общественных отношений. Идеалы, господствующие в этот период, были незыблемы, так сказать, фиксированными. Героический идеал отвечал военному сословию – братству рыцарей, власть монарха же сакрализировалась, выступала своего рода Порядком, трансформирующим и упорядочивающим все общество.

Иначе говоря, область бытующих во времена Средневековья идеалов являет собой «самостоятельный мифический мир с богами и героями» ... мир статичный, неизменный, нерушимый [19, с. 108]. Реализация существующего

образа жизни представляется как единственный способ сохранности стабильности не только общества, но и всего мира, порожденного волей Бога-Творца, который соответственно не может подлежать изменениям.

Философ и социолог, специалист в области теории и истории этики Мария Оссовская в своих трудах обозначила два основных европейских идеала – идеал мещанина и, собственно, идеал рыцаря. Определяя качества последнего автор к вышеупомянутым добавляет также такие характеристики, как знатность происхождения, высокий уровень знания своей родословной, кроме того, ручательство за честь своего рода, способность преодолевать чувство страха и рисковать собой ради достижения цели, быть верным своей Родине, возлюбленной и королю. Безрассудность трат и способность оказывать бескорыстную помощь другим в сочетании с неприязнью к физической деятельности определяли отличительные черты рыцарского сословия. Стоит подчеркнуть, что идеал рыцарства Средневековья вовсе не был интеллектуальным, он означал эмоционально насыщенную жизнь. Фундаментом воинского идеала выступала непоколебимая вера в бесспорную ценность чести и достоинства отдельно взятого человека, личности. Суровые требования, отвечающие социальным нормам, сложившимся в мире Средневековья, переплетаясь воедино со стремлением достичь бытующих идеалов и составили отличительную особенность рыцарской элиты.

Черты образцового средневекового рыцаря нашли свое отражение в сарматской культуре Беларуси XVII в. Рассмотрим некоторые из них.

Шимон Старовольский в своих трудах подчеркивал, что главной обязанностью и священным долгом истинного шляхтича выступала защита Родины, низшего сословия – занятие земледелием и ремесленной деятельностью. Кроме того, Старовольский обращает внимание на то, что для шляхты присуще равенство вне зависимости от имеющегося звания, право на совместное избрание своего монарха, представительства на сейме, совместное решение вопросов, касающихся войны и мира.

Четкое закрепление сословных прав и обязанностей, господство шляхты над другими слоями общества, наделение ее особыми функциями – вот основные отличительные черты воинов-сарматов, рассматриваемого периода.

Особое положение шляхтичей-сарматов фиксируется, с одной стороны, складывающимися веками традициями, с другой стороны, – законом. Неоднократно сравнивают шляхтичей с представителями других сословий, которые, однако не могут и по морально-этических аспектам рассчитывать на особое общественное положение.

Четкое разграничение сословий в эпоху Средневековья, невозможность разрушить эти сословные преграды в связи с неизменно бытующим мировым порядком не претерпели изменения и в XVII в.

Распоряжаться собственным денежным довольствием, отказаться от хищения чужого имущества, от грабежа убитых и раненых на поле сражений; не вмешиваться в торговые отношения, поскольку это порождает скупость, жадность и не обходится без лицемерия, притворства; защищать свою Родину, быть надежным шитом веры своей...веры христианской – вот одни из основных обязанностей воина-сармата почти полностью отвечающих идеалам средневекового европейского рыцарства.

Важным является вопрос о положении мещанства и его роли в белорусском обществе XVII в. Мещанство являло собой то сословие, от которого шляхетство всячески пыталось оградиться. Такая острая неприязнь к ценностям мещанского сословия, его стилю жизни выступило одним из черт рыцарства XVII в.

Мир шляхтича-сармата требует реализацию функции сохранения бытующего единства своего сословия, веры и государства. Шляхтич – это воин, солдат, обороняющий свою веру, Отчизну, свои привилегии. Понятие Отчизны предполагает, прежде всего государство, главным фундаментом которого и выступает шляхетское сословие.

Важным моментом в рамках сарматской идеологии при определении черт воина XVII в. является защита не только веры своих предков, но и всех христиан мира от иноверцев. Так, спасение веры приравнивается к покаянию, однако и в этом видится особое отношение Бога-творца к шляхтичам.

Таким образом, идеал рыцарско-шляхетского этоса, пусть даже и несовпадающего с реальностью, можно выразить следующим образом:

Служу – Отечеству, отвечаю – Богу.

Верой и правдой.

Достоинство в служении.

Служить, но не прислуживаться.

Верой и правдой.

Добру – награда, злу – возмездие.

Любовью ведом, добротой очищаюсь.

Должен – значит можешь.

Достоинство и благородство.

Совесьть и дисциплина.

Быть, а не казаться.

Честь дороже жизни.

Честь, а не почести.

Соперничаю, но не завидую.
Ударом на удар.
Побеждаю, но не мщу.
Победа или смерть.
Скуп в потребностях, щедр на отдачу.
Великодушие и справедливость.
Учтивость и миролюбие.
Блаженство в верности.
Один за всех, все за одного.
Слово крепче камня. [15]

Кроме того, говоря об особенностях воинской культуры Беларуси XVII в. нельзя не сказать о самой войне. Интересным является тот момент, что постоянных войск Великого княжества Литовского практически не существовало. Кроме того, отсутствовал и фонд для содержания и поддержки профессиональных военнослужащих. На белорусских землях ключевая роль отводилась Посполитому рушению, представляющее собой призыв шляхты, принадлежащего им крестьянства. Мобилизация войск осуществлялась только после принятия совместного положительного решения на сейме. В XVII в. в Беларуси и Литве, взяв во внимание численность, состав и воспроизводство населения можно было собрать войско из 20 тыс. солдат, однако даже такое количество не удавалось собрать, поскольку не все шляхтичи активно принимали в этом участие, не чувствуя за собой вины (за уклонение от службы шляхтичей не ожидали серьезные наказания). Кроме того, в этот период мобилизация начала использоваться не только для защиты государства (хотя этому тоже отводилось большое значение особенно в период нескончаемых войн), но и для защиты так называемых «шляхетских вольностей».

Идеи сарматизма, а также специфика регионов во многом сказывалась на организации имеющихся в стране вооруженных сил: на территории белорусских земель господствовала конница. Однако это не шло в ногу со временем. Кроме того, среди причин снижения эффективности военной структуры государства можно выделить также ограничение функций гетмана (историческое звание командующего армией), практически полное отсутствие короля и князя, нередкое своеволие шляхтичей и др.

Однако белорусско-литовское войско по праву могло гордиться высоким уровнем тактического мастерства: умением быстро ориентироваться в достаточно сложной оперативной обстановке, в кратчайшие сроки принимать наиболее приемлемые, целесообразные решения, действовать без колебаний, проявляя стойкость и волю. В этом

плане армия наших земель превосходила армию Московского княжества, однако не долгое время.

Тому, что Великое княжество Литовское с трудом переживало суровые боевые испытания, способствовало сочетание таких контрастов в стране как, во-первых, демократический характер внутреннего порядка, достаточно гуманная правовая система, территориально-административное перераспределение власти (децентрализация), во-вторых, – идеологическая приверженность традиционным ценностям, социальным, религиозным доктринам, не соответствие требованиям времени военной организации с недостаточным уровнем демографических, в большей степени финансовых средств.

Таким образом, мы видим, что воинская культура шляхетского сословия Беларуси XVII в. представляет собой синтез средневекового мировоззрения с элементами культуры рождающегося Нового времени. Черты шляхетства XVII в. совпадают с чертами рыцарства эпохи Средневековья, однако есть и отличные моменты. Так, если ранее главная задача виделась в доблестном служении своему монарху, то в рассматриваемую культурно-историческую эпоху акцент смещается на понятие Отечества. Аскетизм постепенно сходит с пьедестала, религиозность упрочивает свои позиции. Если в Средневековье одна из главных задач виделась в навязывании своих религиозных воззрений на «чужих», не христиан, то в шляхетской среде рассматриваемого века на первый план выдвигается все же охранительная функция церкви.

3.2 Военная подготовка шляхтича в Беларуси XVII в.

Важная роль в повышении боевой готовности, укреплении мощи государства отводилась непрерывным тренировкам, упражнениям. Однако источники неоднозначно трактуют уровень военной подготовки в XVI–XVII вв.

Как писал один из белорусских историков, археологов Г. Н. Саганович: «Тое войска, якім Вялікае Княства Літоўскае валодала ў XVI–XVIIстст., не магло справіцца з задачамі абароны дзяржавы. Аднак і якасна іншай арміі, колькасна дастаткова для вырашэння гэтых патрэбаў, яно проста не магло мець» [29, с. 62].

Согласно другим источникам, Великое княжество Литовское, как и Королевство Польское XV–XVII вв. по праву могло гордиться военно-патриотическим воспитанием шляхтичей, что было связано с сочетанием в процессе обучения «сарматского духа и европейской просвещенности» [20].

Так, один из исследователей шляхетского сословия Ю. Лычковский отмечает, что благодаря непрерывным и качественным тренировкам, усвоению опыта предыдущих поколений, шляхте удавалось достичь невероятных результатов на полях сражений [20].

Шляхетство Великого княжества Литовского опиралось на положения рыцарской военной этики западноевропейских государств. Однако это было не слепое заимствование. Морально-этические элементы вступая во взаимодействие с местными традициями, а также средневековыми веяниями образовали свою неповторимую рыцарскую культуру.

Равенство и взаимовыручка как одни из важных составляющих рыцарского идеала наиболее полно подходили убеждениям и воззрениям представителей шляхетского сословия, их жизненным позициям, а нормативный комплекс поведения в целом отвечал бытующей в то время сарматской модели, например, содействие церкви, желание выделиться, стремление к самовыражению.

Многочисленные войны, пронизывающие земли Речи Посполитой, постепенно формировали у шляхтича определенные качества: безудержная смелость, способность и умение подавлять страх, панику; готовность идти в бой. Это человек, который обороняет свою веру и свои «шляхетские вольности».

По отношению к шляхетскому сословию, рассматриваемого культурно-исторического периода, вполне правомерно использовать понятие «рыцарская подготовка», поскольку его представители продолжали именоваться рыцарями и следовали стандартам поведения рыцарского кодекса.

Рыцарская подготовка шляхетства, как было отмечено выше, опиралась на опыт прошедших веков и имела свои особенности для каждой возрастной категории.

Воспитание будущих шляхтичей-воинов начиналось в достаточно раннем возрасте. Особое значение отводилось водным процедурам и питанию. Регулярное закаливание, разнообразный рацион питания являлись гарантом выносливости и роста тренировочных показателей, способствовали формированию сильной и крепкой личности. Нередко иностранные гости акцентировали внимание именно на хорошо сложенных силуэтах шляхтичей-воинов.

Излюбленным занятием представителей привилегированного сословия выступало наездничество, которое начиналось постигаться еще «с пеленок». Нередко поговаривали, что шляхетские дети намного быстрее осваивали науку езды, нежели научались ходить, поэтому не удивительно, что многие

путешественники, увидев шляхетского всадника, поражались тому, с какой грациозностью, легкостью и изяществом он держался в седле. Он словно был единым целым с животным, а ведь это играло существенную роль как на поле боя, так и в период охоты. Шляхта очень гордилась своими лошадьми, поэтому к отбору скакунов подходила весьма серьезно: «Конь должен ноги ставить уверенно, быть в испытаниях терпеливым, в пропитании здоровым, к прикосновению чутким, в соревновании быстрым, при остановке спокойным» [8].

Помимо искусства верховой езды молодые рыцари также обучались владению оружием. В каждой шляхетской семье бытовали свои приемы боя, различные техники ударов и комбинаций, что затем передавалось из поколения в поколение. Высокий уровень физической подготовки позволяли шляхтичу также хорошо плавать.

Почитание предков (даже можно обозначить как «культ предков»), стремление соответствовать их достижениям, следование обычаям и традициям, неразрывная связь с прошлым, проявляющаяся в необходимости хранить и приумножать славу и доблесть своего Рода – вот то, что выступало важной чертой шляхтича и играло существенную роль в патриотическом воспитании и, как правило, формировании патриотического сознания.

Помимо этого, домашнее образование шляхетских детей включало в себя и религиозное воспитание, имеющее важное значение в достижении идеала христианского рыцаря, защитника Родины. Вера в Высшую Силу, в Творца, в бессмертие души человеческой, в то, что Бог стоит за воином, в какой-то степени способствовало уменьшению страха смерти, придавало воинам решительность, что являлось очень важным моральным элементом на поле боя. Ведь страх, дав ему волю, парализует усилия, обезоруживает человека, лишает его воли, пугает провалами в самоуправлении, что в конечном итоге может пагубно сказаться на боевой эффективности.

Дальнейшее обучение шляхтича-воина осуществлялось вне родительского дома. Это был так называемый этап школьного образования, и включал он в себя не только расширение и усвоение новых знаний, но и регулярные многочисленные упражнения и тренировки, в особенности популярны были бои пальцатами (деревянные кии). Этот навык активно применялся для развития ловкости в бою самым популярным в шляхетской среде холодным оружием – саблей – символом «шляхетского гонара».

С 11 лет добавлялись тренировки с копьём, что способствовало развитию мышечной силы, а с 13 или 14 лет – обучение с холодным оружием.

Таким образом, анализируя воинскую культуру шляхетского сословия Беларуси XVII в. можно отметить, что это достаточно сложный многоаспектный феномен. В трудах исследователей нет однозначного мнения относительно уровня военной подготовки рассматриваемого привилегированного сословия. Бытует точка зрения, согласно которой Великое княжество литовское обладало военными силами, которые не соответствовали требованиям того времени. Этому способствовали низкий уровень военной подготовки, нехватка человеческих и финансовых ресурсов.

Однако есть и противоположное мнение. Многие отмечают, что рыцарская подготовка выступала важным компонентом воспитательного процесса в жизни молодого шляхтича XVII в. Многогранная, качественная, не навязанная сверху на государственном уровне, она использовалась на территории всей Речи Посполитой независимо от времени и областей. В результате долгих и упорных тренировок, усвоению опыта предыдущих поколений, идеалов рыцарства представителям этого привилегированного воинского сословия порой удавалось достичь невероятных результатов на полях сражений.

Шляхтичи, научаясь почитать свое происхождение, свой род, осваивая обязанности гражданина, готовы были отдать свою жизнь за страну. Благодаря высококачественной воинской подготовке, приобретаемым навыкам, «рыцари» стойко преодолевали трудности, возникающие на пути служения Родине.

ГЛАВА IV. ОБРАЗ ЖИЗНИ ШЛЯХЕТСКОГО СОСЛОВИЯ

4.1 Быт шляхты

Особое внимание в своей повседневной жизни шляхта уделяла внешнему виду. Причем большие средства она тратила на вещи не только, как говорится, для «выхода в свет». Одежда стала в определенном роде символом знатного происхождения, культурным идеологическим кодом. Более того, она выступала одним из важнейших этнических признаков, в целом, стала своеобразным символическим текстом, отражающим менталитет шляхты и этноса, их характер, уровень как материальной, так и духовной культуры. Одежду изготавливали из шерсти, кожи и меха различных животных, ткани из льна и конопли.

Значительный подъем ремесла, торговых отношений, расширение межкультурных контактов во многом содействовали появлению новых видов одежды. Часть из них была заимствована у других народов. Состоятельные круги шляхетского сословия и магнаты с середины XVII в. начинают ориентироваться на модные тенденции Западной Европы (в большей степени на французские).

Форма одежды, богатство тканей, обилие натурального меха – все это выступало своеобразным символическим текстом, позволяющим многое рассказать об их владельце, о его статусе, месте в обществе. Стоит отметить, что статусная роль одежды была зафиксирована законом. Так, например, в XVII в. на сеймах Речи Посполитой (1613 г., 1620 г. и 1665 г.) были приняты постановления, согласно которым только шляхта имела право носить одежду из шелка, бархата, меха, из тканей цвета пурпура. Кроме того, им позволялось иметь при себе ордынку (один из распространенных типов саблей в Восточной Европе), саблю, меч; носить всевозможные украшения из серебра, золота, жемчуга.

Особой популярностью, не только среди шляхты, пользовалась шерстяная или полушерстяная ткань. Мелкая шляхта в основном приобретала недорогое сукно, привезенное из-за границы или местного производства. Богатые же шляхтичи, в особенности магнаты, не жалели своих средств на импортное дорогое сукно.

Стоит отметить, что сукно, в зависимости от своего качества, имело множество названий. Так, например, среди шляхты был распространен «фалендыш» (или «лундыш»), т. е. сукно среднего качества [46]. При изготовлении женской одежды использовали «мухаяр», так именовалась ткань из козьей шерсти. «Кир» – толстая шерстяная ткань, шла на пошив

верхней одежды (в XVII в. этот элемент одежды постепенно распространяется и на крестьянское сословие). Помимо этого, также использовали: «камлот» или «чамлет» (ткань из шерсти (иногда сочетали с шелком)); «каўтраш, хаба, сярмяга» (грубые разновидности сукна); «шарак» (шерстяная и льняная ткань, которая в основном была распространена среди дробной шляхты и крестьян); «каламайка, капица, сибирка» и др. [27, с. 92].

Магнатерия отдавала предпочтение тканям из шелка высокого качества. На этих одеяниях присутствовал дамаск (от названия Дамаска в Сирии), «ткань, окрашенная чаще всего в серый, черный, красный или зеленый цвет с однотонным, обычно растительным узором, выполненным неблестящими нитками на блестящем (блестящем) фоне» [42, с. 53]. В гардеробе мелкой шляхты тоже не обходилось без шелка, однако в основном он использовался для пошива праздничной одежды. Особой популярностью пользовался «адамашек (адамашок)» – ткань однотонная или с узором с двумя правыми сторонами [39, с. 138]. Не менее известным был бархат, который использовался при пошиве одежды для главы государства или магнатерии.

Согласно документам XVI–XVIII вв., в Великом княжестве Литовском имелось немалое количество полотна. Особенно широко оно использовалось среди женской части населения всех сословий. Ткань также либо привозили из-за рубежа, либо производили в Речи Посполитой. Не импортное полотно богатые слои общества использовали в качестве подкладочной ткани, для пошива одежды.

Неотъемлемым компонентом одежды всех слоев населения выступала рубашка. Она были достаточно длинной. Магнаты и богатая шляхта носили ее из импортного полотна в качестве нижнего белья. Мужская рубашка богатых слоев населения нередко украшалась различного рода вышивкой, золотыми или серебряными нитями. Сведений о том, были ли украшения на женских рубашках, нет.

Обязательным элементом мужского костюма выступали «порты, порткі, сподні» [27, с. 92]. Среди представителей шляхетского сословия, они представляли собой нательные штаны с домотканого полотна, которые одевались под верхние штаны, изготовленные из плотной шерстяной или полушерстяной ткани, или под шаровары.

Распространенным видом плечевой одежды среди представительниц слабого пола выступало платье с рукавами и воротником. Оно было очень длинным и достаточно свободным.

В XVI–XVIII вв. в моде в шляхетской среде был так называемый саян (слово происходит от итальянского «saione», что означает кафтан) [27, с. 93].

Сведения о нем достаточно двойственны. Шили как мужские, так и женские саяны. Они представляли собой плечевое одеяние, наподобие куртки, солдатское платье с поясом, женский плащ. Для его изготовления использовали «фалюндыш, бархат, фый» и т.д. Нечасто в саяне имелся бархатный лиф с двумя подтяжками.

Среди одежды дам шляхетского происхождения были распространены «андараки» [39, с. 140]. Они представляли собой достаточно узкое поясное одеяние. При их пошиве использовали импортную ткань из шерсти. К андаракам иногда пришивали мех либо украшали их золотом. Также шляхтянки носили юбки и фартуки.

В XVII в. среди богатых слоев населения начинает распространяться безрукавка. Безрукавный тип одежды вошел в западноевропейскую моду с XV в., а затем попал на земли Великого княжества Литовского.

В XVI–XVIII вв. в женском гардеробе можно было обнаружить летники и юбки. Летниками именуют длинные платья с рукавами и воротником. Юпа представляла собой одежду с рукавами (как до локтя, так и до кисти), сзади имелись мягкие округлые складки (или же она была приталена), спереди застегивалась на пуговицы. Юпы на летний сезон подшивались легкой тканью, а на зимний – мехом горносталя или белки.

Самым популярным видом одежды (только среди мужской части населения шляхетского сословия) был жупан. Для его пошива применяли довольно недешевое сукно, атлас, бархат различных цветов (желтого, красного, голубого и др.). Жупан имел металлические, серебряные или золотые пуговицы (некоторые застегивались на крючки), шился прямым или приталенным с отложным воротником или воротником-стойкой с очень тонкими рукавами (они были специально удлиненными и образовывали складки), а украшался шнурками различных цветов и не обходился без пояса. В XVII в. на территории Великого княжества Литовского в моду входит доломан, представляющий собой длинную с узкими рукавами и немного собранную в области локтя одежду. Она была подобна на одежду пехоты Османской империи (янычарские плащи). Доломан шили из сукна, а в летний период – из плотной шелковой или полуселковой ткани атласного переплетения. Эти военные плащи были популярны среди многих народов Европы. Доломаны военнослужащих надевались на доспехи и шились недлинными.

Наряду с жупанами популярность, в особенности со второй половины XVII в., приобрел кунтуш. Жупан и кунтуш вплоть до середины XIX в. являлись основным типом одежды среди шляхетского сословия. Считается, что кунтуш был заимствован от венгров, а венгры переняли его у османов.

По большей части, этот тип одежды считался праздничным. Кунтуш был довольно длинным и шился из шелка, бархата, шерстяной или полушерстяной ткани различных цветов, однако в более темных тонах, чем жупан. На зимний период его подшивали мехом. Интересным является тот факт, что знатные слои общества носили кунтуш с заложенными сзади за пояс длинными разрезанными до плеча рукавами. Кроме того, его не застегивали, чтобы показать сам жупан. Обязательным дополняющим элементом выступал пояс, а в качестве украшений – серебряные, золотые или шелковые шнуры. Кунтуш был не менее популярен и среди шляхтянок.

Кроме кунтуша в среде шляхты (как мужчин, так и женщин) была популярна ферязь. Это застегивающаяся спереди на пуговицы одежда с широким покроем, достаточно свободными рукавами и воротником (мог отсутствовать). Носили ферязь различных оттенков (в большей степени встречаются голубого или красного) и подшивали мех животных.

Особое место в мужском гардеробе занимал кафтан. Он являл собой короткую с длинными рукавами одежду, застегивающуюся на пуговицы или крючки. Их надевали, как и жупан под кунтуш.

Проанализировав типы мужских и женских одеяний можно сказать, что они имеют не мало общего в плане наименований и покроя. Если плечевая одежда различалась только по цветовой палитре и украшениям, то наибольшие отличия наблюдались в поясных одеяниях (отличия в соответствии с половой принадлежностью и положением в обществе).

При шитье верхней одежды использовались очень плотные толстые ткани. Самой популярной в зимний период была одежда с мехом. В период с XVI в. по XVIII в. существовало больше 40 типов верхней одежды: «аднарадка, епанча, мятлік, капеняк, армяк, дэлія, ферэзія, чуга, бурка, кафтан, бекеша, плащ, газука, дэлюра, даламан, зіпун, сукман, катанка, ахабень, лакатуха, казакін, цегіляй, тарлоп, венгерка, чамара, кірэя, шуба, кажух, тулуп, сярмяга» и др. [27, с. 94].

Так, например, епанча представляла собой плащ, редко без рукавов. При отправлении в поход, на войну к нему привязывали суконный теплый головной убор в виде капюшона с длинными концами (башлык). Епанча довольно близка к киреи. Это тоже плащ, а название он получил от материала из которого изготавливался. Кирея вместе с башлыком образовывали так называемую бурку. Не менее известной была одежда с одним бортом, рукавами без воротника. Это так называемая однорядка. Она шилась из заграничных тканей и была распространена среди шляхетского сословия. Суконная длинная одежда (реже) с короткими рукавами или без них, украшенная шнурами называлась чамарой, а одежда до колена с

отрезной спинкой и пришитой к ней тканью, собранной в складки, называлась черкесской.

И шляхетство, и мещанство, и крестьянство носили армяки (долгополое одеяние из грубой ткани, с капюшоном, запахивается ремнем); сермяги (одежда серого или коричневого окраса с достаточно толстой ткани); однорядки и т.д. Однако одежда знатных особ была пошита из более дорогих тканей.

Природные условия на территории Великого княжества Литовского являлись причиной ношения теплых меховых одеяний в зимний период. Среди шляхтичей распространена была шуба, которую шили из богатого натурального меха. В западноевропейской моде она появилась в результате серий религиозных походов XI–XV вв., вошедшие в историю под названием «крестовые походы». Женские шубы, которые именовали шубка, полушубок прилепали к талии, что не было характерно для мужских шуб, и застегивались на пуговицы или крючки. Еще со времен короля польского и великого князя литовского Стефана Батория, среди представителей шляхетского сословия стало модным ношение делии. Это элемент военной формы. Его шили без рукавов (либо с небольшой длиной рукавами), чтобы можно было легко владеть оружием и короткими, чтобы ткань не мешала езде на лошадях. В верхней части пришивали немалое количество ткани и меховой воротник. Этот элемент одежды необходимо было носить на плечах. Другой вариант ношения данной одежды заключался в том, что одну руку необходимо было просунуть в рукав и застегнуть делию на шее большой пуговицей. Богатые шляхтянки носили торлоп – одежда с использованием натурального меха куницы, горноста, соболей.

Наиважнейшим элементом одежды, преимущественно у мужчин, выступали пояса: тканые, плетеные, из кожи. Так, кожаные пояса украшались металлическими пластинками, пряжками с использованием драгоценностей.

Одеяния шляхтянок, да и шляхтичей, украшались разнообразными вышивками, различных оттенков шнурами и лентами, так называемыми галунами (т.е. золотой, серебряной или мишурной лентой; золототканой лентой); кружевом; пуговицами, также золотыми или серебряными.

Головные уборы четко делились на мужские и женские. Благодаря им также можно было понять, какой статус у человека, семейное положение и т.д.

Если мы рассмотрим женские головные уборы, то их также можно поделить на те, которые носили замужние и незамужние дамы. Так, женщина, состоящая в браке, укладывала свои волосы таким образом, чтобы

они полностью были покрыты головным убором; незамужним разрешалось оставлять открытой макушку.

В XVII в. были распространены чепцы, которые шляхтянки украшали мехом, а с внутренней стороны – кружевом. Составным элементом женского головного убора выступала «тканица» (незамужние девушки могли носить ее как самостоятельный головной убор) [27, с. 95]. Замужняя женщина, используя и чепец, и «тканицу», повязывала на них намитку. Она представляет собой 2,5–3,5 м полотнячатый головной убор. Существовало огромное количество способов ее повязывания. Наиболее распространенный: необходимо было несколько раз обвязать голову, пропустить под подбородком (один или два конца просто свисали).

Если богатая шляхтянка изготавливала «тканицу» из жемчуга, золота, то она могла не использовать намитку. Отдавалось предпочтение платкам, которые шили из зарубежных тканей. Так, платок, который женщина повязывала на плечах или голове, носил название рантух. Шляхтянки использовали его на чепце, а также под колпак из меха.

Кроме выше упомянуты головных уборов в шляхетской среде среди дам, были распространены шапки из недешевой ткани с использованием меха. Носили также береты, которые украшались различного рода вышивкой, перьями различных оттенков, шпильками с драгоценными камнями. В XVII в. со второй половины в моду входят чепцы, которые украшались разного рода драгоценностями.

Что же касается мужских головных уборов, то большей популярностью пользовались шапки. Те, кто занимали высокие позиции в обществе, тратили свои средства на приобретение дорогих товаров. Так, например, шапки приобретали пошитыми из меха белки, соболя, куницы, горностая и др.

Широко распространены были шапки-магерки. Они также среди шляхты именовались «батавуркай» [27, с. 96]. Ее шили из шерстяной или полушерстяной ткани, или бархата и украшали перьями.

В среде шляхты распространены были конфедератки. Это шапки с дном, имеющим четыре угла, обшитые шкурой овец, с красной, зеленой или черной верхней частью.

Также среди головных мужских уборов можно выделить такие, как кучма (это высокая шапка с мехом соболя и с синей верхней частью); шлык (это подобный конусу головной убор, который носили как мужчины, так и женщины. Его изготавливали из богатого ценного меха.). Шляхтичи также носили шляпу из фетра, а в кругу магнатов популярностью пользовалась шляпа из сукна, а также из ткани с разрезным ворсом (бархата) с драгоценными камнями.

Обувь в XVI–XVIII вв. изготавливали из юфти, сафьяна, замши или кожи козы, окрашивали в различного рода оттенки и приобретали под стиль одежды. Однако позволить себе это могла только шляхта.

Все слои населения носили ботинки; боты, которые имели твердую подошву и загнутые вверх носы. На ноги повязывали тряпки, однако со временем появились носки.

Практически не отличалась от мужской обуви женская. Так, например, одной из отличительных черт выступало то, что женская обувь была в большей степени украшена вышивкой.

Огромные суммы шляхта тратила на свои имения, на их внешнее и внутреннее убранство. В XVI–XVIII вв. главным материалом, применяемым в строительстве зданий, выступало дерево. Богатые слои населения при строительстве своих имений отдавали предпочтение сосновым бревнам.

Разнообразие внутренней планировки зависело от того, сколько имелось жилых и подсобных помещений. Нет сомнений в том, что чем состоятельнее был владелец, тем разнообразнее была планировка дома.

У шляхетского сословия при каждой избе имелись помещения для хранения зерна и другого урожая (так называемые коморы). Со второй половины XVII в. имелись также алькежи, возводившиеся под влиянием барочных тенденций как двух- или четырех башнеобразные пристройки к торцу здания. У богатых сословий жилье отапливалось высокими печами, декорированные керамической плиткой.

Привилегией знатных особ считались застекленные окна. Стекло вставляли в оконный переплет, который создавался из олова или железа, в более поздний период – из дерева. На протяжении всего XVII в. осуществлялась замена рам из олова на деревянные. В конце рассматриваемого периода на земельных владениях Радзивиллов в одном и том же здании встречались оконные переплеты как оловянные, так и деревянные. Рамы устанавливались «двойные, на железных завесах, с железными защепками и крючками для запираения» [23].

Если в XIV–XVI вв. мебель отличалась мощностью, силой, незамысловатостью внешних очертаний, то в XVII в. под воздействием барочных тенденций она стала более утонченной и богато декорированной. Она поражала обилием высокорельефной, тонко исполненной, с тщательной обработкой деталей резьбой. Мебель также раскрашивали в различные цвета, покрывали богатыми тканями; кожей, с нанесенными на нее рисунками; бархатом.

Много сведений о том, что входило в рацион белорусских шляхтичей и шляхтянок содержится в инвентарях, а также в описаниях хозяйственных

помещений для хранения продуктов, оборудования и сырья; праздничных обильных застолий, квитанциях.

Стол шляхтича был полон различными яствами. Готовились блюда из ржи (самое распространенное продовольственное сырье, из которого пекли хлеб и другие изделия), пшеницы, ячменя, овса, гречихи, гороха, бобов. Они использовались в качестве основного или дополнительного ингредиента.

Из выпечки, после ржаного хлеба, были распространены белые хлеба, ситницы и булцата (скорее всего, они имели определенную форму и вес и соотносились с понятием «бохан хлеба»), пироги (так именовались печенья из сдобного теста: если в Российской империи их выпекали с добавлением различной начинки, то на наших землях были распространены пироги с маком, редко с яйцом. В основном же это был ситник без начинки), калачи (печенье из пшеничной муки), баранки. Одним из древних хлебных изделий выступал каравай. С давних времен он являлся важным атрибутом при проведении обрядов. Например, свадебный каравай выступал сильнейшим энергетическим оберегом для новой семьи.

В наше время на свадьбах также не обходится без этого лакомства. Оно, как и ранее, обладает круглой формой и украшается фигурками птиц, животных, цветов или человека. Все это имеет символическое значение. Так, колосья, украшающие выпечку, являются знаком процветания и плодородия.

Распространенными блюдами (в особенности на Полесье) считались «пампушки», готовящиеся с картошкой и вареники с картофелем или коноплей. На Витебской земле пекли лепешки-«лапуны», покрытые творогом, маком или коноплей.

Излюбленным блюдом не только шляхетского сословия выступали блины. Их готовили преимущественно по праздникам. Так, в качестве обязательного блюда они выступали на масленицу.

Большой популярностью среди людей разного социального положения пользовались каши, которые варили из пшеницы, гречки, ячменя, овса, словом, из всех круп, выращиваемых на территории Беларуси.

Среди овощных культур в пищу употребляли капусту, морковь, редьку, лук, огурцы (у восточных славян эта культура была распространена еще в период существования Киевской Руси. По всей вероятности, ее привезли из Византийской империи), свеклу (во второй половине XVII в. появляется термин «бурак»).

Шляхта широко использовала в своем рационе разного рода пряности, привозимые к нам через польские земли. Среди них: перец, горчица, гвоздика, лавровый лист, кардамон, шафран и др. Довольно часто пряности, сладости, специи вручали в качестве подарка. Кроме того, в качестве приправ

использовали соль, которую привозили к нам с юга через Пинск и по Балтийскому морю; льняное масло, конопляное молоко и сушеные грибы.

Широко среди господствующего сословия было распространено мясо. Чаще всего в пищу шла свинина, баранина, реже – мясо крупного рогатого скота и птиц. Немалое количество мяса добывалось во время охоты, которая выступала одним из любимых занятий шляхтичей. Особенно важным продуктом у всех сословий выступала рыба (в свежем виде или изготовленная впрок).

При фольварках выращивали яблоки, вишни, сливы, груши, смородину, крыжовник, из которых варили варенье. С XVII в. сначала в среде магнатов, а затем средней и мелкой шляхты появились цитрусовые. Сады магнатов не могли не восхищать гостей своей красотой и богатством. Некоторые представители богатой знати даже выращивали виноград, персики и абрикосы.

Одному из древнейших занятий белорусов – бортничеству – также уделялось не мало времени. Мед выступал распространенным напитком не только среди шляхтичей. Особой популярностью пользовался также березовый и кленовый сок. А с конца XVII в. на землях Великого княжества Литовского впервые появился и начал распространяться кофе, который стал излюбленным напитком шляхтичей и даже превратился в сарматский национальный символ.

В XVI–XVIII вв. на белорусских землях была распространена варка пива. Привилегией шляхетского сословия было то, что именно ему разрешалось изготавливать вино. Во многих имениях строились так называемые «бровары», где его и производили. Шляхта, в отличие от других сословий, употребляла вина не только в праздники, но и в повседневном быту. Также в Великом княжестве Литовском была распространена водка, привезенная в конце XVI в.

Широко употреблялся в повседневном быту квас, который изготавливали из ржаной муки, хлеба и солода ржаного и ячменного. Посуда у шляхтичей и шляхтянок была металлическая, оловянная, медная. Огромное количество серебряных и золотых сосудов; посуды из керамики (фаянсовая посуда), стекла находилось в магнатских имениях.

Таким образом, шляхтичи и шляхтянки в своем бытовом пространстве стремились подчеркнуть свое привилегированное положение. Поэтому те, кто занимал высшие ступени шляхетского сословия не скупились на богатые одеяния, вкусную пищу, шикарное внутреннее убранство домой и т.д.

4.2 Праздничная культура шляхты

В Европейском пространстве с начала XVII в. в верхах общества зарождаются основы нового этикета, которые окончательно приобретают завершённую форму в конце XVIII в. Умение видеть и ценить прекрасное, элегантность форм поведения обуславливали игровой артистизм повседневной культуры. Непринужденность и естественность поведения постепенно уступали свое место определенным правилам. Представители шляхетского сословия должны были владеть подобными правилами при общении. Конечно, формы обращения зависели от того, какого статуса собеседник, какого пола и т.д. Особое значение отводилось правилам поведения за столом. Помимо этого, этикет, который рождался в Европе на базе Французского монархического двора, предписывал не наигранность при соблюдении этих правил. Конечно, выполнять данное требование было достаточно сложно.

Господствующие на территории Великого княжества в XVII в. барочные тенденции также пронизывали культуру поведения как один из важнейших компонентов бытового пространства. На наш взгляд, наиболее точно восприятие мира с точки зрения эпохи барокко отражено в словах Шекспира: «Весь мир театр, а люди в нем актеры» [31]. Каждый должен был играть по сценарию.

Однако, несмотря на соблюдение определенных установок, исполнение своих ролей по правилам, рассматриваемый культурный период полон интересными неординарными личностями и завершается распространением авантюризма. Исполняемая человеком роль здесь рассматривается как инструмент для реализации своих целей, каждый выступал «актером собственных событий» (Ж. Делез) [38, с. 42]. В качестве примера можно привести общественно-религиозного деятеля, публициста, писателя-полемиста, композитора Афанасия Филипповича (предположительно, был в родстве со шляхтой Берестейской земли); Лжедмитрия I (выходец шляхетского рода наших земель); Катажину Радзивилл (реализовала значительные проекты в экономической сфере), которая описала свои путешествия и «авантюры» Саломея Пильштынова [38, с. 42]. Они сумели исполнить другие роли, которые стали их истинной судьбой и дали возможность реализовать свои замыслы.

Особое место в досуге шляхтичей и шляхтянок начиная примерно со второй половины XVII в. занимали игры в карты. Помимо этого, были распространены кости, фишки, считающиеся совместно с кеглями играми «шулерскими».

Как и в европейских странах (особенно во Франции), так и на всей территории Речи Посполитой карты являлись обязательным атрибутом светских мероприятий: балов, званых застолий, встреч в частных домах или общественных местах.

Карты во второй половине XVII–XVIII вв. являлись важным элементом досуга королевского круга. Можно сказать, что карточная игра даже выступала обязанностью. Нередко игрок умышленно поддавался своему оппоненту: проигрыш выступал в качестве взятки. Проигранные в ходе игры немалые денежные суммы говорили о хорошем достатке человека. Большие суммы тратили и шляхтичи Великого княжества Литовского, где формировался слой карточных шулеров.

Большинство представителей магнатории держали открытый стол для приехавших на некоторое время гостей, а найти повод для посещения было достаточно просто.

Так, например, на званые обеды князя Василя-Константина Острожского шляхтичей и шляхтянок приглашали со всех ближайших земель. Для развлечения присутствующих приглашали итальянских музыкантов, а также придворного обжору, который возбуждал аппетит у гостей.

На приеме у дочери волынского воеводы Анны-Алоизы-Острожской гостей забавляли двое карликов и две карлицы. Так, Альбрехт Станислав Радзивилл, князь литовский, в гостях у своего друга, магната гетмана Станислава Конецпольского летом 1643 г. стал свидетелем таких развлечений: «В костеле в Подгорцах, всем на посмешище, венчались уродливые карлик и карлица. После этой неслыханной и очень смешной церемонии молодые сели с нами за один стол и принимали участие в торжественных танцах. Что происходило между ними потом, смех не позволяет написать» [8].

В начале застолья шляхтич-хозяин пил за здоровье каждого пришедшего гостя, которые обязаны были отвечать ему взаимностью. После подачи горячих яств тосты начинали произносить и сами гости. При этом за каждого приглашенного поили стоя. Краткие тосты на застольях не приветствовались. Напротив, в приоритете была замысловатость, насыщенность речи, обилие пожеланий, благодаря чему говорящие возвышали не только хозяина, но и демонстрировали свои способности, таланты.

Выпивки на подобных мероприятиях было очень много и нередко в конце они превращались в побоище, поэтому женщины, присутствовавшие на трапезе, уходили как-только это мероприятие превращалось в пьянство.

Важное место в жизни шляхетского сословия отводилось свадебным церемониям, которые могли длиться несколько дней, а то и несколько недель. На их подготовку и проведение уходили большие суммы. На свадьбу в качестве подарка преподносили деньги, мебель, посуду, всевозможные ткани и одеяния, украшения и др.

Со второй половины рассматриваемого периода начал распространяться бильярд, мода на которого у магнатории и зажиточных шляхтичей просуществовала до конца XVIII в.

Так же стоит отметить, что в XVII–XVIII вв. как в Европе, так и на белорусских землях, широкую популярность имели театры: школьные, кукольные (батлейка), постановки народной драмы. Частыми их зрителями были жители городов и местечек, однако мелкая и средняя шляхта также не отказывалась от представлений, когда приезжала на какую-либо ярмарку или праздник.

Помимо лицедеев шляхту развлекали силачи, а также дрессированные медведи. Каких только академий не встретишь в мире, а вот «Медвежья академия» существовала только в Сморгони в XVII – начале XIX вв. «Медвежьи танцы» были знамениты по всей Речи Посполитой, а также России, Венгрии, Германии. По гастролям бродячие цыгане со своими подопечными отправлялись с наступлением весны, когда же наступала осенняя пора, «танцоров» возвращали на родину в Сморгонь.

Особое место в жизни шляхтича занимала охота, к которой знатные представители господствующего сословия готовились заранее. На охоту шляхтичи брали с собой много спиртных напитков и закуски. Так зародилась поговорка: «Вала з'ядуць, пакуль зайца заб'юць» [17].

Приглашались гости; не покладая рук трудились конюхи; слуги, работающие на псарни, работали без устали – животные (и кони, и собаки) должны были быть хорошо накормленными, здоровыми, подготавливалось оружие всех видов, капканы, сети и мн. др.

Самыми верными помощниками шляхтичей на охоте были собаки. Некоторые породы приобретались собак из-за границы, некоторые выводились в государстве. Это животное настолько ценилось, что даже появилось выражение: «За добрага сабаку аддам карову і каняку» [17]. Также на охоту брали соколов. Однако это могла себе позволить только магнатория.

Чтобы воспитать истинного шляхтича, его рыцарская подготовка начиналась с самого детства и была весьма разнообразной.

Среди представителей рассматриваемого сословия, особенно среди молодежи, были распространены сабельные бои и поединки. Парные или групповые бои выступали важной частью шляхетской культуры. Им присущи

черты развлекательности, игры, за счет большого количества поводов для вызова, а также быстроте их организации. Кроме того, популярностью пользовалась верховая езда. Чтобы сформировать и укрепить тягу шляхетских детей к воинскому делу им дарили множество игрушек на военную тематику – сабли, ружья, коней и т.д.

Исходя из вышесказанного следует, что шляхетское сословие Великого княжества Литовского в своей повседневности, а также праздничной культуре всячески пыталось подчеркнуть свое привилегированное положение, показать свою мощь как людям низшего ранга в рамках своего государства, так и всему миру не только через военную сферу, но и обыденность. Поэтому шляхтичи и шляхтянки не жалели своих средств и позволяли себе дорогие одежды, вкусную пищу, шикарные светские приемы и мн. др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Культура повседневности является одной из актуальных сфер гуманитарного знания, представляет собой комплекс присущих жизни людей социальных практик, отражающих, с одной стороны, их этос и традиции, с другой – иницилирующих инновации в развитии культуры. Она включает множество элементов, таких как обычаи, в том числе обычаи, имеющие нравственное значение; поведение; речевую деятельность; макро- и микросреду обитания человека; представления о теле (питание, костюм и т.д.); различные формы досуга; труд и т.д.

Заинтересованность современных наук, концентрирующих свое внимание на человеке и его жизнедеятельности в обществе, в анализе повседневной жизни людей объясняется тем, что она является маркером моделей культуры общества, народа в целом и его социальных общностей, позволяющим выявить их оригинальность.

Еще во второй половине XIX в. особое внимание к культуре повседневности начинает проявляться у историков. Особую роль в исторической науке XX в. отводится такому направлению, как Школа «Анналов». В 1980-х гг. развитие получило направление истории повседневности. Если деятельность представителей Школы «Анналов» была направлена на рассмотрение того, что принято называть «структурами повседневности», то история повседневности выдвинула на первый план человека в истории и культуре. Большой вклад в изучение культуры повседневности внесли социологи. Социологические исследования среди прочих ставили задачу придать большую точность границам повседневности и отыскать закономерности, по которым осуществляется ее построение.

Один из социологов, Альфред Шюц, выделил следующие характеристики повседневности: интенсивная трудовая деятельность, направленная на трансформацию окружающего мира; безыскусственность установки; напряженное отношение к жизни; особое отношение ко времени; личностная определенность человека; типизированный мир.

Огромный шаг в исследовании культуры повседневности сделали представители такого направления как cultural studies (в 1964 г. начал работу Центр современных культурных исследований), совместив макро- и микроуровень анализа процессов социального и культурного характера. Однако и в данном направлении можно обозначить некоторые нюансы: рассматриваемые происходящие события повседневности исчерпываются вопросом о их политических функциях и идеологии.

На современном этапе развития изучению повседневности присущ интегративный характер, который подразумевает изучение повседневности с помощью методов и понятий более чем одной дисциплины, рассмотрению ее и в динамике, и в статике.

2. Шляхта Беларуси обладает своей неповторимой многовековой историей. Сам термин происходит от древневерхнемецкого «род, происхождение, порода» или от немецкого «битва» и начинает употребляться в отношении всего шляхетского сословия во второй четверти XVI в.

Шляхетская культура отличается неоднородностью. Так, начиная со второй половины XVI в. и на протяжении всего XVII в. принято выделять магнатию (крупные землевладельцы), которая и определяла политику Великого княжества Литовского, и собственно шляхту. Шляхтичи, занимающие низшие ступени, прилагали все усилия, чтобы достичь того же положения, что и магнаты. «Шляхетские вольности», которыми обладала польская шляхта (право распоряжаться землей и крестьянами; освобождение от общественных или государственных обязанностей, за исключением воинской повинности; право занимать государственные посты; возможность без помех перемещаться как внутри государства, так и за границу; право заседать на сеймах; не посягательство на жизнь; защита моральных, профессиональных, социальных и др. достоинств), на Беларуси стали распространяться в XVII в. Полное уравнивание в правах великокняжеской шляхты с польской произошло в 1697 г., когда было принято постановление «Уравнение прав».

Совокупность прав и привилегий шляхетства в Великом княжестве Литовском и Речи Посполитой разрабатывалась на протяжении XIV–XVI вв. в виде отдельно принятых нормативно-правовых актов (данный этап развития законодательства вошел в историю как «привилейный»), а затем была систематизирована в Статутах 1529, 1566 и 1588 г. Последний из которых стал основой законодательства XVII в.

Свое привилегированное положение шляхтичи стремились обосновывать разными способами. Был сформулирован «сарматский миф», согласно которому шляхта вела свое происхождение от сарматских племен. Сарматизм занимал исключительное место в истории Великого княжества Литовского в целом, Беларуси в частности.

Однако стоит отметить, что единого мнения по поводу того, что стоит вкладывать в данный термин нет. Существуют разные подходы к трактовке сарматизма и его роли в развитии белорусской культуры и общества. Исходя из рассмотренных нами концепций можно сказать, что сарматизм – это своеобразное сочетание мировоззрения шляхты (ее всех слоев), элементов

материальной культуры повседневности и безусловно барочных тенденций. Однако стоит учитывать тот факт, что шляхетское общество характеризуется гетерогенностью, следовательно, говорить о равном восприятии сарматской идеологии разными слоями шляхты не совсем верно. Магнатерия не в полной мере следовала правилам сарматизма. Сарматский миф для них нередко выступал инструментом для достижения своих собственных целей.

Одной из характерных для сарматской культуры чертой выступает тяготение к восточной культуре. Восточные мотивы пронизывали интерьер шляхетских домов и одежду, которые свидетельствовали не только о том, что человек занимает высокое социальное положение, но и являлись в определенной степени отражением этнических черт.

Сарматизм во многом содействовал единению двух государств – Великого княжества Литовского и Королевства Польского – но все же имел свою специфику в Беларуси. Так, в Великом княжестве Литовском на протяжении XVII в. в приоритете был социальный аспект сарматизма, нежели в Польше, где на первый план выходила католическая религия.

Одним из материальных воплощений господствующей в то время идеологии выступал сарматский портрет. В первую очередь он был направлен на то, чтобы прославить портретируемого, представить его как человека, заслуживающего глубочайшего почтения. В работах художники делали акцент на социальном положении изображаемого, его родословной, богатстве и т. д. В период господства барокко это стало важной составляющей репрезентативного портрета.

Так как образ изображаемого должен был демонстрировать достоинство и превосходство, художники выстраивали пространство произведения таким образом, чтобы линия горизонта находилась намного ниже центральной части холста. Таким образом создавалось ощущение будто человек смотрит на нас сверху.

Одним из отличительных признаков репрезентативного портрета выступает и то, что главное внимание уделялось позе человека, а не чертам его лица. Обычно она надменна и в какой-то степени сценична. Однако стоит отметить большое количество неточностей в передаче пропорций тела, отсутствие рельефности, возможности установить контакт с портретируемым (герой смотрит, словно, через зрителя). Однако такая «примитивность» осознанно вводилась живописцами, поскольку главная цель состояла в передаче того, какую социальную роль исполняла модель, каково ее происхождение. Поэтому наиважнейшим элементом сарматского портрета выступала внешняя атрибутика.

Распространенной фигурой парадного портрета является мужская. И это отнюдь не изысканный образ, а образ воина, в котором на первый план выходили мощь, стойкость и готовность преодолевать препятствия. Эта воинственность прослеживается и в женских образах. Если портреты Западной Европы рассматриваются прежде всего, как предмет эстетического наслаждения, то сарматский портрет нес прежде всего мемориальную и документирующую функцию. Это своеобразный генеалогический текст, который повествует нам о принадлежности человека к определенному роду.

3. Особое место в рамках сарматской идеологии шляхетства Беларуси XVII в. отводится ее воинскому элементу. Феномен «воинской культуры» достаточно сложен, многогранен и являет собой синтез средневековых элементов с традициями нового времени.

Распоряжаться собственным денежным довольствием, отказаться от хищения чужого имущества, от грабежа убитых и раненых на поле сражений; не вмешиваться в торговые отношения, поскольку это порождает скупость, жадность и не обходится без лицемерия, притворства; защищать свою Родину, быть готовым отдать за нее жизнь, быть надежным шитом веры своей... веры христианской – вот то, что входило в обязанности шляхтича-воина. Однако такое поведение выступало лишь идеалом, который часто расходился с действительностью.

Если в Средневековье на первые позиции выходило доблестное служение своему монарху, то в XVII в. главная задача виделась в служении Отечеству. Аскетизм постепенно сходит с пьедестала, религиозность упрочивает свои позиции. Кроме того, вместо навязывания своих религиозных воззрений на не христиан, в шляхетской среде рассматриваемого века на первый план выдвигается охранительная функция церкви.

Белорусские и польские исследователи неоднозначно трактуют уровень военной подготовки шляхтичей-сарматов XVII в. С одной точки зрения, Великое княжество литовское обладало военными силами, которые не соответствовали требованиям того времени, причинами чему выступали низкий уровень военной подготовки, а также человеческих и финансовых ресурсов.

Другая точка зрения гласит, что военная подготовка шляхты, напротив была на высоком уровне. Разносторонняя (закаливание, верховая езда, обучения навыками боя на пальцатах, сабле, умение стрелять из лука и мн. др.), высококачественная, включающая в себя богатый опыт предыдущих поколений, не принужденная на государственном уровне, она применялась на территории всего государства.

Кроме того, молодые шляхтичи должны были почитать свой род, знать свои обязанности как гражданина. Благодаря такому воспитанию представители этого воинского сословия, готовы были отдать свою жизнь за страну, за свое Отечество.

4. Желание шляхты доказать всему миру, что она является серьезным конкурентом и с ней стоит считаться, отражалось, как было сказано ранее, не только в военной сфере, но также в быту и праздничной жизни.

Шляхта (магнаты и богатая шляхта) не жалела своих средств на дорогие одежды (шляхтичи и шляхтянки уделяли особое внимание своему внешнему виду), в основном пошитые из шелка, бархата, ценного натурального меха и т.д.; вкусную пищу (шляхтичи могли позволить себе в своей повседневной жизни различные яства, в особенности мясные блюда), дорогую посуду, шикарные интерьеры, выполненные в барочном стиле и мн. др.

Своими особенностями обладает и праздничная культура. В рассматриваемый нами период зарождаются основы нового этикета. Шляхтичи должны были владеть определенными правилами при общении.

Кроме того, на поведение рассматриваемого сословия большую роль оказало барокко. Мир воспринимался как театр, а люди – как актеры, обязанные играть свои роли.

Очень много времени шляхта и представители магнатории проводили на балах, званых застольях, всевозможных встречах, где также господствовали свои порядки. Популярность на таких мероприятиях со второй половины XVII в. приобрели карточные игры.

С конца же XVII в. в моду среди богатых представителей сословия вошел бильярд. Не прочь была шляхта посмотреть и на театрализованные представления, а также выступления знаменитых учеников «Медвежьей академии».

Чтобы воспитать истинного шляхтича, большое значение отводилось его рыцарской подготовке, которая начиналась с детства.

Самыми распространенными занятиями, особенно среди молодежи выступали сабельные бои, поединки, верховая езда. Кроме того, популярным занятием среди шляхтичей считалась охота.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Белявина, В. Как одевалось привилегированное сословие на территории Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minsknews.by/> – Дата доступа: 15.10.2020.
2. Верещагина, Е. По западной моде. Что носили белоруски до XX в. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://planetabelarus.by/publications/po-zapadnoy-mode-chto-nosili-beloruski-do/> – Дата доступа: 15.10.2020.
3. Верещагина, Е. Сарматский портрет. Инстаграм эпохи барокко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://planetabelarus.by/> – Дата доступа: 25.10.2019.
4. Воронцова, А.А. Этнометодология Гарольда Гарфинкеля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studbooks.net/sotsiologiya/> – Дата доступа: 10.02.2020.
5. Галенчанка, Г. Развіцце шляхецкай дэмакратыі ў Вялікім княстве Літоўскім у XVI–XVIII ст. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pawet.net/library/history/bel_history/_articles/halienchanka/ – Дата доступа: 09.10.2020.
6. Геродот, История: в 9-ти кн. / Геродот: пер. и примеч. Г.А. Стратановского. – М.: Ладомир: Аст, 2002. – Т. 4: Мельпомена. – 205 с.
7. Грыцкевіч, А.П. Беларуская шляхта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pawet.net/library/history/bel_history/_articles/hryc2/ – Дата доступа: 14.10.2019.
8. Даневская, И. Чем развлечься галицкому шляхтичу перед восстание Хмельницкого [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://was.media/2018-03-27-chem-razvlechsja-galickomu-shljahtichu/> – Дата доступа: 22.10.2020.
9. Доўнар, Т.І. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т.І. Доўнар, У.М. Сатолін, Я.А. Юхо. – Мінск: Тэсей, 2003. – 356 с.
10. Доўнар, Т.І. Этапы и особенности в развитии законодательства ВКЛ //Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества; сб. науч. тр. / отв. ред. проф. В.Н. Карташов; Яросл. Гос. Ун-т. – Ярославль: ЯрГУ, 2015. – Вып. 14. – С.49–73.
11. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.efremova.info/> – Дата доступа: 26.02.2021.
12. Издательство «Энциклопедикс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://who-is-who.by/kodeks-shhlyaxeckaj-godnasci/> – Дата доступа: 25.03.2021.

13. Капкан, М.В. Культура повседневности / М. В. Капкан. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 110 с.
14. Клімуць, Л.Я. Сарматызм у культуры беларускіх зямель Рэчы Паспалітай: дапаможнік / Л.Я. Клімуць. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2006. – 60 с.
15. Клімуць Л.Я. Сармацкая культура беларускай шляхты ў XVI—XVIII стагоддзях. – Мінск: Беларусь, 2013. – 127 с.
16. Коротенко, А.В. Военная культура: понятие и структурные элементы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennaya-kultura-ponyatie-i-strukturnye-elementy/viewer>. – Дата доступа: 26.02.2021.
17. Кривец, Н. Вала з’ядуць, пакуль зайца заб’юць [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bp21.org.by/ru/art/a050225.html>. – Дата доступа: 25.10.2020.
18. Куделко, К. Шляхта Великого княжества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://warspot.ru/9185-shlyahtha-velikogo-knyazhestva/> – Дата доступа: 16.10.2020.
19. Лескинен, М.В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М.: Институт славяноведения РАН, 2002. – 178 с.
20. Лычковский, Ю. Рыцарская подготовка как важный элемент воспитания молодого шляхтича в XVI–XVII веках [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lyczkowski.net/ru/statja/shljahtich.html>. – Дата доступа: 27.02.2021.
21. Магнат [Электронный ресурс] // Викисловарь. – Режим доступа: <https://ru.wiktionary.org/wiki/> – Дата доступа: 28.10.2020.
22. Марков, Б.В. Культура повседневности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philosophy.spbu.ru/> – Дата доступа: 20.10.2020.
23. Молчанова, Л.А. Материальная культура белорусов в XVI–XVIII веках [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://library.by/portalus/modules/belarus/> – Дата доступа: 01.11.2020.
24. Норкин, А. Как пиновала беларуская шляхта в XVIII веке? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://shkolazhizni.ru/culture/articles/11063/> – Дата доступа: 21.10.2020.
25. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/> – Дата доступа: 26.02.2021.
26. О структуре повседневного мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://students-library.com/library/read/> – Дата доступа: 10.02.2020.

27. Парашкоў, Г.П. Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. Т.1: Абаленскі – Кадэнцыя / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. Рэд.) і інш.; Маст. З.Э. Герасімовіч. – 2-е выд. – Мінск: БелЭн, 2007. – 688 с.

28. Розенберг, Н.В. Структурирование культуры повседневности: методологические подходы / Н.В. Розенберг // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 2 (14). – С. 50–70.

29. Сагановіч, Г.М. Войска Вялікага Княства Літоўскага ў XVI–XVII стст. / Г.М. Сагановіч. – Мн.: Навука і тэхніка, 1994. – 82 с.

30. Синило, Г.В. Книга Экклесиаста как «осевой» архетекст поэзии барокко // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. – 2018. – № 2. – С. 5–16.

31. Скальев, А. Весь мир театр, а люди в нем актеры. Эссе о фразе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://proza.ru/> – Дата доступа: 02.11.2020.

32. Сліж, Н. У. Шлюбныя і пазашлюбныя стасункі шляхты Вялікага Княства Літоўскага ў XVI – XVII стст. / Наталля Сліж. – Смаленск: Інбелкульт, 2015. – 671 с.

33. Статут Великого княжества Литовского 1588 года [Электронный ресурс] / Подг. О.В. Лицкевич. Минск, 2002-2003. – Режим доступа: <http://starbel.by/statut/statut1588.htm/> – Дата доступа: 24.10.2019.

34. Статут 1529 года как результат правообразования в Великом княжестве Литовском: (историко-правовой аспект) / Т. О. Дидыч, О. И. Чаплик // Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 года – падмурак развіцця беларускай дзяржаўнасці і канстытуцыяналізму : (да 480-годдзя прыняцця) : зборнік навуковых артыкулаў / Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Юрыдычны факультэт, Кафедра тэорыі і гісторыі дзяржавы і права. – Мінск, 2009. – С. 44–53.

35. Сулимирский, Т. Сарматы. Древний народ юга России / Пер. с англ. Т. В. Китаиной. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. – С. 10–11.

36. Тананаева, Л.И. Сарматский портрет / Л.И. Тананаева. – М.; Спб.: Наука, 1979. – С.134–145.

37. Томашева, И. Портрет в живописи Беларуси эпохи Ренессанса и барокко: вопросы стиля и типологии / И.Г. Томашева // Искусство и культура. – 2016. №3 (17). – С. 44–53.

38. Углик, И.Г. Игровой компонент в культуре шляхты белорусских земель XVII–XVIII в. / И.Г. Углик; Институт современных знаний им. А.М. Широкова, Минск // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. – 2014. – №1 (172). – С.41–46.

39. Улащик, Н.Н. Одежда белорусов XVI-XVIII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. – М., 1986. – С. 133–145.
40. Усовская, Э. А. Основные концепции культуры: учеб. пособие / Э. А. Усовская. – Минск: БГУ, 2014. – 152 с.
41. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ushakovdictionary.ru/> – Дата доступа: 26.02.2021.
42. Хадыка, А.Ю. Старобеларуская шляхецкая мода / А.Ю. Хадыка // Спадчына – №3, 1992. – С. 51–56.
43. Хейзинга, Й. Осень Средневековья [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/heyzinga-autumn.pdf>. – Дата доступа: 25.02.2021.
44. Шойхер, В.Ю. Антология мысли в афоризмах / В. Ю. Шойхер. – Москва: Вече, 2014. – 399 с.
45. Шютц, А. О структуре повседневного мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://students-library.com/library/read/> – Дата доступа: 10.10.2020.
46. Biory szlachty i mieszczańska w dawnej Polsce [Zasoby elektroniczne] // Encyklopedia Powszechna Wydawnictwa Gutenberga. – Tryb dostępu: <https://www.gutenberg.czyz.org/index.php?word=60867>. – Дата dostępu: 20.01.2021.
47. Sak, K. Kuchnia i zwyczaje biesiadne szlachty polskiej w XVII wieku [Zasoby elektroniczne]. – Tryb dostępu: <https://historykon.pl/kuchnia-i-zwyczaje-biesiadne-szlachty-polskiej-w-xvii-wieku/> – Дата dostępu: 20.01.2021.